

ФИОЛЕТТА

ИЗМЕНА
Выгоню Тебя
ГОЛЫШОМ

Фиолетта –
Измена: Выгону Тебя Гольшом

«Литнет»

2026

– Ф.

Измена: Выгону Тебя Голышом / Ф. – — «Литнет», 2026

— Люся, ты спятила?! — визжал Антон, прикрываясь диванной подушкой. — Где мои брюки?! — Там же, где и твоя совесть, милый. В мусоропроводе, — я мило улыбнулась и распахнула входную дверь. — У тебя есть ровно десять секунд, пока я не спустила Арчибальда. А ты знаешь, как он любит твои лодыжки. — Ты не посмеешь выгнать нас голыми! Там же люди! — Время пошло. Раз... Два... Арчибальд утробно зарычал. Антон и его пассия с визгом вылетели на лестничную клетку. Щелк. Я закрыла замок на два оборота. И впервые за двадцать лет почувствовала, как мне легко дышать. В тексте есть: Измена мужа (будет больно, но недолго) Властная героиня (которая сама себя сделала) Юмор и справедливая месть (муж получит по заслугам!) Настоящий мужчина (надёжный, как скала) Вредный кот (который всё понимает) ☆☆ ХЭ (Хэппи Энд неизбежен!)

© – Ф., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Идеальный день для катастрофы	5
Глава 2. Тихая охота	10
Глава 3. С вещами на выход	14
Глава 4. Дефиле позора	19
Глава 5. Непризнанный голый гений (Антон)	24
Глава 6. Санитарный час	29
Глава 7. Маска «Все хорошо»	34
Глава 8. Телефонный терроризм	39
Глава 9. Финансовая яма	44
Глава 10. Военный совет с вином	50
Глава 11. Осада крепости	55
Глава 12. Первый шаг в новую жизнь	61
Глава 13. Точка невозврата	65
Глава 14. Сковородка как аргумент	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Глава 1. Идеальный день для катастрофы

— Двадцать лет — это серьезный срок. За убийство дают меньше, а за хорошее поведение выпускают раньше.

Я усмехнулась собственным мыслям, поправляя идеально выглаженный манжет белой блузки. В зеркальной витрине отразилась ухоженная женщина средних лет: прямая спина, строгая укладка «волосок к волоску», сдержанный макияж, скрывающий легкие тени под глазами. Продавец-консультант ювелирного дома «Эстет» Люция Фиалкова. Образец надежности, вкуса и бесконечного терпения.

На бархатной подушечке передо мной лежали они. Часы. Швейцарская механика, сапфировое стекло, ремешок из аллигатора. Строгие, но с характером. Именно такие, какие нужны мужчине, мечтающему выглядеть хозяином жизни, даже если на самом деле он просто перекладывает бумажки в офисе средней руки.

— Вы все-таки решились, Люция Владимировна? — Жанночка, моя сменщица, молоденькая девочка с вечно удивленными глазами, смотрела на меня с благоговением. — Они же стоят... ну, как крыло от самолета.

— Антон давно о них мечтал, — я улыбнулась, чувствуя привычное тепло в груди при мысли о муже. — У него сейчас непростой период на работе. Ему нужна поддержка. Вещь, которая скажет ему: «Ты значим, ты успешен, я в тебя верю».

Я аккуратно, словно священную реликвию, уложила часы в фирменную коробку из темного дерева. Щелкнул замок. Этот звук показался мне самым приятным за последние полгода.

Полгода. Ровно столько я откладывала каждую копейку с премий и процентов от продаж. Жанночка была права — цена кусалась. Ради этого подарка пришлось пожертвовать курсом биоревитализации, о котором настойчиво напоминал косметолог, забыть о новых зимних сапогах (старые еще послужат, если поменять набойки) и даже пересмотреть рацион в сторону «попроще и подешевле». Я сэкономила на себе с маниакальным упорством отличницы, готовящейся к главному экзамену.

Но оно того стоило. Сегодня у нас фарфоровая свадьба. Двадцать лет.

Я провела пальцем по крышке коробки. Антон обрадуется. В последнее время он стал раздражительным, дерганным, все время жаловался, что его недооценивают, что он достоин большего. Этот подарок должен стать тем самым якорем, который вернет ему уверенность. И, может быть, вернет нам ту близость, которая куда-то испарилась за последние пару лет, уступив место вежливой соседской прохладе.

— Бегите уже, Люция Владимировна, — подмигнула Жанна, забирая у меня ключи от сейфа. — Я закрою кассу. У вас сегодня романтический вечер, нельзя опаздывать. Вы и так тут живете.

— Спасибо, Жанн. С меня шоколадка.

Я переоделась в подсобке, сменив форменный футляр на свое любимое, пусть и не новое, кашемировое пальто. Ноги гудели после двенадцати часов на каблуках — профессиональная болезнь ювелирных консультантов. Мы продаем роскошь, стоя на ногах, пока богатые клиентки неспешно выбирают бриллианты, сидя в мягких креслах. Но сегодня эта усталость была приятной. Она была платой за чудо, которое я несла в сумочке.

Выйдя на улицу, я вдохнула прохладный осенний воздух. Город уже зажигал огни, витрины магазинов соревновались в яркости, а люди спешили домой, пряча носы в шарфы. Я тоже спешила. Но не просто домой, а в свою маленькую крепость, которую я так старательно оберегала и обустроивала все эти годы.

По дороге я заглянула в кондитерскую «Сладкая жизнь». Здесь пахло ванилью, корицей и свежей сдобой — запахи, от которых мгновенно просыпался аппетит, но которые я привыкла игнорировать ради фигуры.

— Мне, пожалуйста, «Графские развалины», — попросила я девушку за прилавком. — Самый большой.

Я терпеть не могла этот торт. Слишком жирный, слишком сладкий, тяжелый масляный крем, безе, которое крошится и липнет к зубам. Я любила легкие муссы с ягодами или чизкейки. Но «Развалины» обожал Антон. Он мог съесть половину торта за один присест, запивая крепким чаем и блаженно шурясь. А я любила смотреть, как он ест. В этом была какая-то материнская нежность, которую я перенесла на мужа за неимением детей.

— Праздник? — улыбнулась продавщица, перевязывая коробку золотистой лентой.

— Годовщина, — гордо ответила я. — Двадцать лет вместе.

— Ого! Поздравляю. В наше время это редкость. Сейчас все разбегаются через год-два. Терпения не хватает.

— Терпение — это фундамент брака, — ответила я своей любимой мантрой, расплачиваясь картой. На счету оставались копейки до аванса, но это не имело значения. Главное — часы и торт.

Я вышла из кондитерской, нагруженная пакетами. В одной руке — драгоценное время, в другой — калорийная бомба любви. Идеальный набор идеальной жены.

До дома было минут пятнадцать пешком через сквер. Я шла, глядя под ноги, чтобы не угодить шпилькой в трещину на асфальте, и прокручивала в голове сценарий вечера. Антон должен быть еще на работе, у него совещание до восьми. Я успею приготовить ужин — купила стейки из мраморной говядины (еще одна брешь в бюджете) и бутылку хорошего красного вина. Накрою стол, зажгу свечи. Когда он придет, уставший и злой на весь мир, его встретит уют, вкусная еда и жена, которая смотрит на него с восхищением.

«Может быть, сегодня...» — мелькнула шальная мысль. Мы не были близки уже месяцев пять. Антон ссылался на стресс, на усталость, на то, что «мы уже не студенты, чтобы скакать как кролики». Я понимала. Я терпела. Я ждала. Я ведь мудрая женщина, я знаю, что у мужчин бывают кризисы. Главное — не давить, не пилить, а создавать условия.

Я подошла к своему дому. Сталинская пятиэтажка с высокими потолками и толстыми стенами, наследство от бабушки. Моя гордость и моя крепость. Я помнила, как мы с Антоном делали тут ремонт десять лет назад. Точнее, делала я — нанимала бригаду, выбирала обои, ругалась с прорабами, пока Антон «искал себя» в очередном стартапе. Но он тогда так радовался результату, так гордо водил друзей по квартире, говоря: «Вот, зацените, какую берлогу мы отгрохали». Я не поправляла. «Мы» — так «мы».

Во дворе было тихо, только ветер шуршал облетевшей листвой. Я уже достала ключи от подъезда, как вдруг мой взгляд зацепился за знакомый силуэт автомобиля.

Черный кроссовер, кредит за который был оформлен на меня (у Антона тогда была плохая кредитная история из-за просроченного микрозайма), стоял прямо у нашего подъезда. И как стоял! Криво, по диагонали, перегородив пандус для колясок и заехав одним колесом на газон, который баба Маня с первого этажа возделывала с фанатизмом японского садовника.

— Господи, Антон... — прошептала я, чувствуя укол стыда за мужа. — Ну сколько раз просила парковаться по-человечески.

Но тут же стыд сменился тревогой.

Почему он дома? Время — половина седьмого. Он говорил, что у них стратегическая сессия по запуску какой-то цифровой экосистемы, и он задержится минимум до девяти.

Я подняла голову. В окнах нашей квартиры на третьем этаже горел свет. Причем не приглушенный свет бра в спальне, а яркая люстра в гостиной.

Сердце пропустило удар. Что-то случилось. Заболел? Давление скакнуло? У Антона бывает, он же такой мнительный. Или, не дай бог, уволили? Сейчас в IT-сфере такие сокращения... Если его уволили, он сейчас в депрессии. Лежит, наверное, на диване, смотрит в потолок, переживает крушение надежд.

«Бедный мой», — пронеслось в голове. Вся романтическая шелуха с предвкушением сюрприза мгновенно слетела. Включился режим «Чип и Дейл спешат на помощь». Я перехватила поудобнее коробку с тортом и почти побежала к двери подъезда.

Забыв про гудящие ноги, я взлетела на третий этаж, игнорируя лифт. В голове уже строился новый план: сначала успокоить, напоить чаем с мятой, выслушать, погладить по голове, а потом уже, когда он выдохнет, вручить часы как символ того, что жизнь продолжается.

У двери я замерла. Прислушалась. Тишина.

Я аккуратно, стараясь не звякнуть, вставила ключ в замочную скважину. Нижний замок. Верхний он никогда не закрывал, ленился. Ключ повернулся мягко, смазанный механизм шелкнул едва слышно.

Я приоткрыла тяжелую металлическую дверь и шагнула в полумрак прихожей.

— Антоша, я дома... — начала было я, но голос застрял в горле.

Вместо привычного, родного запаха нашего дома — смеси ароматов свежего кофе, моего кондиционера для белья и легкой нотки старого паркета — мне в лицо ударило нечто чужеродное.

Пахло приторно-сладко. Дешевыми, удушливыми духами, напоминающими запах сахарной ваты, сбрызнутой мускусом. Этот запах был вездесущим, агрессивным, он словно заявлял права на территорию, вытесняя уютный воздух моего жилища. Так не пахнет лекарство от давления. Так не пахнет мужской депрессией.

Я стояла на пороге, не в силах сделать второй шаг. Мозг, привыкший к логике и упорядоченности, отчаянно пытался найти рациональное объяснение. Может, он разбил флакон моих духов? Нет, у меня таких нет и никогда не было, я предпочитаю холодные, горьковатые ароматы. Может, приходила соседка? Но баба Маня пахнет корвалолом и пирожками, а соседка сверху — дорогим селективом.

Мой взгляд опустился вниз, на коврик для обуви. И мир, который я строила по кирпичику двадцать лет, пошатнулся.

Там, где обычно стояли домашние тапки Антона (ортопедические, я специально заказывала, чтобы у него не уставали ноги), валялись его уличные ботинки. Грязные, со следами осенней слякоти. Он даже не удосужился поставить их на поддон. Но не это заставило меня похолодеть.

Рядом с его грубыми ботинками, словно насмешка, валялись туфли.

Ярко-красные. Лаковые. На огромной, вульгарной шпильке и скрытой платформе. Я профессионал, я работаю с эстетикой каждый день, поэтому мой глаз автоматически отметил детали, даже когда мозг отказывался верить. Красная подошва — попытка закосить под Christian Louboutin. Но это была грубая, дешевая реплика. Кривые швы, клей на стыке подошвы, слишком яркий, «химический» оттенок красного. И размер...

Это был крошечный, золушкин 36-й размер. Мой — уверенный 39-й.

Я моргнула, надеясь, что это галлюцинация от усталости. Что сейчас я открою глаза, и красные пятна исчезнут. Но туфли никуда не делись. Они лежали небрежно: одна туфля на боку, другая чуть дальше, словно их скидывали в спешке, на ходу срывая одежду.

Рядом на пуфике валялась чужая куртка — короткая, из эко-кожи, с каким-то нелепым мехом на капюшоне.

Из глубины квартиры, со стороны гостиной, донесся звук.

— Дзынь! — звон разбитого стекла. Тонкий, жалобный.

Я вздрогнула. Это был звук богемского хрусталя. Фужеры из набора, который подарили мои родители нам на свадьбу. Мы доставали их только по большим праздникам.

Следом раздался женский смех. Не просто смех, а визгливое, жеманное хихиканье, от которого у меня свело скулы.

— Ой, котик! Ты такой неуклюжий! — пропищал голос, в котором не было ни капли интеллекта, зато было море самодовольства. — Это же на счастье?

Я замерла, вцепившись побелевшими пальцами в пакет с тортом «Графские развалины». Название вдруг показалось мне зловещим предзнаменованием.

В ответ раздался голос моего мужа. Того самого Антона, который, по моей версии, должен был сейчас страдать от давления или несправедливости мира. Голос был вальяжным, пьяноватым и до тошноты довольным.

— Конечно, на счастье, детка! — прогремел он басом, который обычно использовал, когда хотел пустить пыль в глаза. — Не парься. Купим новые. Эта посуда все равно старая рухлядь, совок. Как и весь этот ремонт. Давно пора все тут выкинуть и сделать хай-тек. Под тебя, моя королева.

Холод. Ледяной, абсолютный холод начал разливаться от солнечного сплетения к кончикам пальцев.

«Старая рухлядь». «Совок».

Это он говорил про квартиру, которую я любила каждым сантиметром. Про ремонт, в который я вложила душу. Про бокалы, которые были памятью о моих родителях.

Но страшнее всего было не это. Страшнее было то, как он это сказал. С пренебрежением. С легкостью человека, который уже все решил и перечеркнул двадцать лет жизни, как неудачный черновик.

Я медленно, очень медленно, словно во сне, поставила коробку с тортом на тумбочку в прихожей. Рядом положила бархатный футляр с часами за полмиллиона рублей. Они вдруг показались мне невероятно тяжелыми, словно внутри был не механизм, а кусок могильной плиты.

— Ну иди ко мне, мой тигр... — снова пропищала «королева» из гостиной. — Хватит болтать. Я хочу продолжения.

— Сейчас, крошка. Сейчас твой тигр покажет тебе, кто тут главный хищник... — голос Антона удалялся в сторону спальни.

Шарканье ног. Шуршание одежды. Хлопок двери.

Я стояла в прихожей, глядя на свое отражение в зеркале шкафа-купе. Та же женщина, что и час назад. Те же глаза, та же укладка. Но внутри было выжженное поле.

Кот Арчибальд, огромный рыжий мейн-кун, бесшумно спрыгнул со шкафа. Обычно он встречал меня у двери, требуя еды и ласки, но сегодня он сидел на самом верху, в засаде. Его желтые глаза смотрели на меня с мрачным пониманием. Он не вышел к ним. Он ждал меня.

Кот подошел и боднул меня головой в ногу, тихо, утробно мяукнув. Этот звук, единственный искренний звук в этой квартире, вывел меня из ступора.

Я не заплакала. Слезы — это для тех, кому больно. Мне не было больно. Мне было... ясно.

Словно кто-то протер мутное стекло, через которое я смотрела на свою жизнь, грязной тряпкой, а потом разбил его вдребезги.

Я посмотрела на красные туфли 36-го размера.

Посмотрела на пакет с часами.

Посмотрела на дверь спальни, за которой начиналась какая-то возня.

— Ну что ж, Антон, — прошептала я одними губами, чувствуя, как внутри вместо сердца начинает раскручиваться ледяной вихрь. — Ты хотел хай-тек и новую жизнь? Будет тебе новая жизнь. И перформанс будет. Незабываемый.

Глава 2. Тихая охота

Говорят, что у каждого дома есть свой запах. Наш всегда пах безупречностью: тонким ароматом свежемолотого кофе, воском для паркета и едва уловимой ноткой моих любимых духов с запахом горького апельсина. Но сегодня мой дом пах чужим, вульгарным торжеством. Этот запах — приторная смесь дешевого мускуса и сахарной ваты — висел в воздухе плотным маревом, оскорбляя мои рецепторы.

Я стояла в прихожей, прислонившись спиной к входной двери, и чувствовала, как металл холодит лопатки через кашемир пальто. Внутри меня было странно. Не было слез, не было желания кричать или ворваться в спальню, размахивая сумочкой. Вместо этого включился мой «профессиональный режим». В ювелирном салоне, когда клиент ведет себя неадекватно или пытается подменить камень, я не впадаю в истерику. Я становлюсь ледяной, предельно вежливой и смертельно опасной для его репутации.

Из глубины квартиры, там, где наша спальня граничила с ванной комнатой, донесся резкий гул водопроводных труб. Старая «сталинка» отозвалась на включение воды привычным стоном.

Они зашли в душ. Вместе.

Этот звук стал для меня стартовым пистолетом. У меня появилось «окно» — пятнадцать, может, двадцать минут, пока шум воды будет надежно скрывать мои передвижения.

Я медленно, стараясь не шуршать, сняла сапоги. Оставила их прямо у порога, рядом с этим алым недоразумением тридцать шестого размера. В одних носках я ступила на паркет. Он не скрипнул — я знала каждую его трещинку, каждую плашку, которую сама же выбирала в строительном гипермаркете десять лет назад, пока Антон рассуждал о «высоких материях» и «дизайнерском минимализме».

Арчибальд, мой рыжий мейн-кун, бесшумно спрыгнул со шкафа. Его огромные желтые глаза светились в полумраке прихожей. Кот не подошел ластиться. Он замер, припав к полу, и его хвост нервно дернулся, словно он выслеживал крупную, но очень неприятную добычу.

— Тише, Арчи, — одними губами прошептала я. — Мы на охоте.

Первым делом я прошла в гостиную.

Картина была красноречивее любого признания. На спинке моего любимого кресла, обтянутого благородным серым льном, висел розовый бюстгальтер. Синтетическое кружево, торчащие нитки — типичный «ширпотреб», который в нашем ювелирном называют «бижутерией для бедных духов». На полу валялись джинсы Антона. Те самые, которые я купила ему в прошлом месяце, убедив, что этот крой стройнит его начинающее тяжелеть тело. Рядом — леопардовая блузка, брошенная так небрежно, словно её сорвали в приступе нетерпения.

На журнальном столике стоял хрусталь. Мои бокалы. Те самые, из набора, который папа привез из Праги. Один из них лежал на боку, тонкая ножка была сломана. Красное вино — мое любимое «Саперави», которое я берегла для нашего вечера — впиталось в светлую древесину стола, напоминая кровавую рану.

Меня накрыла волна такой острой, кристально чистой безгливости, что на мгновение потемнело в глазах. Это был не просто адюльтер. Это было осквернение моего пространства, моего труда, моей жизни.

Я развернулась и пошла на кухню. Мои движения были точными и скупыми. Под раковиной всегда лежал рулон черных мешков для мусора — плотных, на сто двадцать литров, предназначенных для чего-то тяжелого и грязного.

Идеально.

Я оторвала один мешок, и он с сухим шелестом расправился в моих руках.

Возвращение в гостиную заняло три секунды. Я начала «уборку». Первыми в черный зев пластика отправились джинсы Антона. Я не складывала их — я запихивала их скомканными, стараясь не касаться ткани слишком долго. Следом полетела леопардовая блузка. Розовый лифчик я подцепила двумя пальцами, чувствуя, как внутри закипает холодная, расчетливая ярость.

— Ничего не останется, Арчи, — прошептала я коту, который сидел на пороге гостиной, внимательно наблюдая за моими действиями. — Мы проведем дезинфекцию.

Я переместилась в прихожую. Красные «лабутены» (Господи, она правда думала, что эта китайская подделка с кривой подошвой кого-то впечатлит?) с глухим стуком упали на дно пакета. Туда же отправилась короткая куртка из эко-кожи с облезлым мехом. В кармане куртки что-то звякнуло.

Я помедлила. Сунула руку внутрь. Связка ключей с пушистым розовым зайчиком. И ключ от машины с логотипом «Киа».

Моя рука на мгновение замерла. В голове пронеслась мысль о юридических последствиях, но тут же испарилась. Эти люди сейчас пили мое вино и пользовались моей ванной. Понятие «частной собственности» в этой квартире сегодня принадлежало только мне.

Ключи полетели в мешок.

Я вернулась в гостиную, собирая всё: носки Антона, её короткую юбку, даже его рубашку, которую я гладила сегодня утром, вкладывая в каждый взмах утюга заботу о его «презентабельном виде». Какая же я была дура. «Синдром отличницы», Люция Владимировна? Получите, распишитесь. Пятерка за сервис, двойка за интуицию.

Пакет стал тяжелым и объемным. Я затащила пластиковые ручки, превратив его в тугий черный кокон.

В ванной всё еще шумела вода. Я слышала приглушенный голос Антона — он что-то напевал. Боже, он пел! В моем доме, в мой праздник, он чувствовал себя настолько вольготно, что позволял себе вокальные упражнения под душем.

Я подхватила пакет и потащила его к балконной двери.

Наш балкон выходил во двор. Обычный московский двор-колодец, где звуки резонируют от стен. Я вышла на холодный воздух. Осенний вечер уже полностью вступил в свои права, пахло мокрым асфальтом и прелой листвой.

Я посмотрела вниз. У контейнерной площадки, мигая оранжевым маячком, стоял мусоровоз. Массивный пресс внутри машины с утробным урчанием перемалывал содержимое баков. Рабочие в ярких жилетах заканчивали погрузку.

Тайминг был божественным. Ювелирная точность.

Я перекинула пакет через перила.

Он летел недолго. Тяжелый черный мешок с глухим звуком упал прямо в приемный ковш мусоровоза, поверх горы коробок и бытового хлама. Секунда — и манипулятор поднял очередную бак, высыпая сверху тонну мусора, окончательно хороня под собой одежду моего мужа и его пассивности.

Я стояла и смотрела, как мощный пресс делает «хрусть». Где-то там, в глубине машины, сейчас ломались каблучки красных туфель. Сминались документы Антона (наверняка паспорт был в кармане джинсов, он всегда его там носил). Ключи, одежда, карты... Всё это превращалось в общую серую массу.

Мусоровоз, тяжело рыкнув, тронулся с места и медленно поехал со двора.

Я глубоко вдохнула холодный воздух. Легкие обожгло, но вместе с этим пришло странное чувство чистоты. словно я только что соскребла слой нагара с золотого кольца.

Вернувшись в комнату, я закрыла балконную дверь.

В ванной вода сменила тональность. Гул стал тише — видимо, они переключили на режим массажной лейки. У меня оставалось еще несколько минут.

Я прошла в прихожую. На тумбочке лежал планшет Антона. Я знала пароль — это была дата нашей свадьбы. Какая ирония. Рука сама потянулась к устройству. Экран вспыхнул. Уведомление из мессенджера: «Пупсик, я уже в такси, жди свою кошечку! Хвостик причесала ;)».

«Хвостик она причесала», — подумала я с ледяным спокойствием.

Я не стала читать дальше. Мне не нужно было знать подробности их «высоких отношений». Я просто взяла планшет и спрятала его в ящик комода под свои шарфы. Это будет мой маленький залог.

Затем я занялась «сценографией».

Я прошла в кухню и взяла коробку с тортом. «Графские развалины». Название теперь казалось мне пророческим. Я поставила торт на журнальный столик, прямо рядом с разбитым бокалом и лужей вина.

Достала из сумочки бархатный футляр с швейцарскими часами. Щелкнула крышкой. Строгий циферблат сверкнул в свете люстры.

Пятьсот тысяч рублей. Полгода моей жизни.

Я положила часы рядом с тортом. Это был идеальный натюрморт. Реквием по двадцати годам терпения.

Я села в кресло. То самое, где еще пять минут назад висел розовый лифчик. Теперь оно было чистым. Я расправила складки своего кашемирового пальто, поправила прическу. Волосок к волоску. Я была готова.

Арчибальд прыгнул мне на колени. Его тяжелое тело приятно давило на ноги, успокаивая. Я начала механически гладить его по голове, чувствуя, как под пальцами вибрирует его мурчание.

— Сейчас, Арчи. Сейчас мы увидим финал спектакля.

Я достала телефон. Проверила зарядку. Открыла камеру и переключила в режим видео. Руки не дрожали. В моем бизнесе дрожащие руки — это профнепригодность. Если ты держишь пинцет с камнем стоимостью в годовой бюджет провинциального города, ты должна быть спокойна, как скала.

В ванной внезапно стало тихо. Гул труб прекратился, оставив после себя звенящую, ватную тишину.

Я услышала шлепанье босых ног по плитке.

— Антош, ну ты где там застрял? Подай полотенце! — капризный девичий голос прорезал тишину квартиры.

— Иду, кошечка, иду! — отозвался мой муж. Его голос звучал довольно и расслабленно. Так звучит человек, который уверен, что жизнь удалась и он полностью контролирует ситуацию.

Раздался щелчок замка. Дверь ванной открылась с характерным влажным вздохом.

Я поудобнее перехватила телефон и замерла, глядя на дверной проем.

В коридоре показалось облако пара. А следом — Антон. На нем не было ничего, кроме короткого полотенца для рук, которое он тщетно пытался обернуть вокруг своих бедер. Он шел пританцовывая, насвистывая какой-то дурацкий мотивчик.

— Ой, Антош, смотри, свет в гостиной как-то странно горит... — донеслось из глубины коридора.

Антон остановился на пороге гостиной. Его взгляд упал на журнальный столик. На торт. На часы.

А затем он увидел меня.

Я нажала кнопку «Запись». Красный кружочек на экране начал свой отсчет.

— Добрый вечер, любимый, — сказала я, и мой голос в этой тишине прозвучал как удар хлыста. — С годовщиной тебя.

Антон застыл. Его лицо за секунду сменило три оттенка: от розового после душа до землисто-серого. Полотенце на его бедрах опасно дрогнуло и сползло на пару сантиметров вниз.

— Л-люся?.. — только и смог выдавить он.

Глава 3. С вещами на выход

Брак с дефектом не подлежит возврату. Это правило я усвоила еще в первый год работы в «Эстете», когда разгневанный покупатель принес кольцо с треснувшим изумрудом. Камень был красив, но внутри него таилось напряжение, которое рано или поздно должно было разорвать его изнутри. Сейчас, глядя на Антона, я видела ту самую фатальную трещину. И никакая полировка, никакая искусная огранка моего терпения уже не могла скрыть тот факт, что передо мной — подделка. Дешевый фианит, выдававший себя за бриллиант чистой воды целых двадцать лет.

— Л-люся?.. — его голос сорвался на высокой ноте, превратившись в жалкий писк.

Он стоял, вцепившись в край полотенца так сильно, что костяшки пальцев побелели. Капли воды стекали с его волос, падали на паркет, который я натирала воском в прошлые выходные. Удивительно, но в этот момент я думала не о предательстве, а о том, что от влаги дерево может вздуться. Наш дорогой, холеный паркет.

— Ты почему здесь? — выдавил он наконец. — Ты же... у тебя же смена до девяти. Юбилейный вечер, ты говорила...

— Я пришла пораньше, чтобы подготовить сюрприз, — я приподняла телефон, следя за тем, чтобы красный кружок записи не гас. — И, признаться, у меня получилось. А вот твой сюрприз, Антоша, оказался чересчур... масштабным.

В этот момент за его спиной материализовалось нечто розовое и взъерошенное. Анита. Кошечка. Хвостик, который она так старательно причесывала в мессенджере, сейчас напоминал воронье гнездо. Она была обернута в мое любимое банное полотенце — тяжелое, махровое, цвета слоновой кости. Мой подарок себе на прошлый день рождения. На её лице, щедро сдобренном остатками «сахарного» макияжа, застыла смесь ужаса и вызывающей наглости.

— Антон, кто это? — пропищала она, хотя прекрасно понимала, кто я.

— Это... это Люция, — пробормотал он, не сводя глаз с моего телефона. — Люся, убери камеру. Ты ведешь себя неадекватно. Давай поговорим как взрослые люди. Это... это не то, что ты думаешь.

О, эта классическая фраза всех пойманных с поличным идиотов! «Не то, что ты думаешь». Наверное, в каком-то тайном методическом пособии для неверных мужей эта фраза стоит на первой странице, выделенная жирным шрифтом.

— Да неужели? — я сделала шаг вперед, и они синхронно отшатнулись вглубь коридора. — А что же я должна думать? Что ты проводишь мастер-класс по бесконтактному массажу? Или что эта юная особа — стажерка из IT-отдела, которая случайно упала в наш душ и потеряла всю одежду по дороге?

Я перевела объектив на Аниту. Та взвизгнула и попыталась спрятаться за широкую (как мне раньше казалось) спину Антона. Но спина вдруг стала узкой и сутулой. Куда делся тот вальяжный «тигр», который минуту назад обещал показать, кто здесь главный хищник?

— Выключи это! — крикнул Антон, обретая крупницы былой спеси. — Ты нарушаешь мои права! Это частная жизнь!

— В моей квартире? — я усмехнулась, и этот звук напугал меня саму. В нем было столько холода, что можно было заморозить океан. — В моей квартире, Антоша, право имею только я. И мой кот. Кстати, познакомься, Анита. Это Арчибальд. Он не любит посторонних запахов. Особенно запаха дешевых духов и чужих женщин.

Арчибальд, словно почувствовав свою роль, издал низкий, вибрирующий рык. Он сидел у моих ног, и его хвост хлестал по голенищам моих сапог, как живой кнут.

— Люся, перестань паясничать, — Антон попытался сделать голос строгим, но полотенце, сползающее с его бедер, лишало его всякой авторитетности. — Мы просто... мы выпили

лишнего. Был сложный проект, стресс. Анита зашла передать документы. Случайно разлили вино... пришлось идти в душ.

— И одежда, видимо, тоже растворилась в вине? — я кивнула в сторону гостиной. — Знаешь, я ведь эксперт по драгоценностям. Я сразу вижу подделку. Твои оправдания — это даже не фианит. Это кусок пластика из детского набора.

Я медленно прошла в гостиную, не прекращая съемку. Они пятились передо мной, как два нашкодивших зверька. Я села в свое кресло — то самое, на котором еще пять минут назад висело кружевное недоразумение.

— Где вещи? — вдруг спросила Анита. В её голосе прорезались истеричные нотки. — Мои вещи! Где моё платье?! И сумка?!

Она завертела головой, глядя на пустую спинку дивана, на ковер, на журнальный столик. Антон тоже начал озиаться. Его взгляд метался по комнате, и в нем постепенно проступало понимание.

— Люся, — прошептал он, и его лицо стало землистого цвета. — Где моя одежда? Мои джинсы... там ключи от офиса. Паспорт. Телефон... Где всё?

Я взяла с журнального столика нож для торта. Антон вздрогнул и отступил еще на шаг, прижавшись спиной к косяку спальни. Но я всего лишь аккуратно отрезала кусок «Графских развалин». Тот самый торт, который он так любил. Тот самый символ его триумфа, который я тащила через полгорода.

Масляный крем был приторным, безе крошилось, пачкая пальцы. Я положила кусочек в рот, прожевала и только после этого ответила:

— Знаешь, Антоша, в ювелирном деле есть такой процесс — аффинаж. Очистка благородного металла от примесей. Чтобы получить чистое золото, всё лишнее нужно сжечь или растворить в кислоте. Я решила провести аффинаж нашей жизни.

— Ты о чем? — он сглотнул, и я увидела, как дернулся его кадык.

— О мусоровозе, — я улыбнулась самой ласковой из своих улыбок. — Оранжевая такая машина. Очень мощный пресс. Она уехала примерно три минуты назад. Ваши вещи были первыми в списке на утилизацию. Вместе с твоими ключами, паспортом и её красными шпильками.

Тишина, воцарившаяся в комнате, была почти осязаемой. Было слышно, как гудит холодильник на кухне и как Анита часто, со свистом дышит через нос.

— Ты... ты выбросила мои вещи в мусоропровод? — голос Антона упал до шепота.

— Нет, зачем же в мусоропровод. В нашей «сталинке» он часто засоряется. Я просто вынесла пакет на балкон и удачно попала прямо в ковш. Знаешь, какое это было эстетическое удовольствие? Смотреть, как твоя любимая рубашка от Henderson превращается в фарш.

— Там был мой планшет! — закричал он, забыв про полотенце, которое начало опасно соскальзывать. — Там вся работа! Коды доступа! Люция, ты с ума сошла?! Это уголовное дело! Порча имущества!

— Планшет в ящике комода, — спокойно прервала я его истерику. — Я не варвар, Антон. Я просто женщина, которая решила сменить декорации. А вот всё остальное... считай это моим подарком на нашу фарфоровую свадьбу. Двадцать лет терпения — это очень дорогой товар. Я решила, что имею право на небольшую компенсацию в виде твоего позора.

Анита вдруг начала всхлипывать. Крупные, черные от туши слезы потекли по её щекам.

— Моё платье... оно стоило двадцать тысяч... Оно из новой коллекции... Вы сумасшедшая! Вы старая, злая психопатка! Антон, сделай что-нибудь!

Она ударила его кулачком в плечо, и Антон, словно очнувшись, двинулся на меня. Его лицо перекошилось от ярости. В этот момент он забыл, что он голый, что он виноват, что его снимают. В нем проснулся мелкий, пакостный самец, чью территорию посмели нарушить.

— А ну отдай телефон! — рявкнул он, протягивая руку. — Я сейчас тебе устрою аффи-наж, стерва! Ты у меня по миру пойдешь! Я отсужу эту квартиру, я тебя в дурку сдам!

Он сделал выпад, пытаясь выхватить смартфон. Я не шелохнулась. Я знала, что за моей спиной — двадцать лет выглаженных рубашек, приготовленных обедов и проглоченных обид. И этот груз делал меня непоколебимой, как гранитный монумент.

Но мне не пришлось защищаться самой.

Арчибальд, который до этого момента лишь наблюдал, среагировал мгновенно. С утробным, почти львиным рыком, рыжая молния весом в двенадцать килограммов взвилась в воздух. Кот не просто ударил — он прицельно вцепился когтями в единственное, что прикрывало наготу Антона.

— А-а-а-а! — взвыл мой муж, когда когти мейн-куна прошли махровую ткань и вошли в кожу бедер.

Полотенце, не выдержав веса кота и резкого движения, с треском поползло вниз. Секунда — и Антон стоял передо мной в чем мать родила, нелепо размахивая руками и пытаясь стряхнуть с себя разъяренного зверя. Арчибальд, приземлившись, еще раз шикнул, выгнув спину и занял позицию между мной и этим... экспонатом.

— Ой! — Анита зажмурилась и закрыла лицо руками. — Антон! Прикройся! Господи, какой ужас...

Я не отвела взгляда. Я смотрела на него — на мужчину, которого считала своей опорой, своей семьей. Бледная, дряблая кожа, начинающий расти живот, смешные тонкие ноги. И это — тот человек, ради которого я отказывала себе в новых сапогах? Ради которого я стояла по двенадцать часов на ногах, улыбаясь капризным клиенткам?

Господи, какая же я была дура. Моя «инвестиция» оказалась обычным финансовым пузырем.

— Антон, ты выглядишь... неэстетично, — сказала я, и мой голос был ровным, как линия горизонта. — У тебя есть ровно две минуты, чтобы покинуть помещение.

— Ты не имеешь права! — он попытался прикрыться ладонями, пятясь к двери. — Я здесь прописан! Это мой дом!

— Ты здесь не прописан, — напомнила я ему. — Десять лет назад, когда мы переезжали, ты сам отказался, сказав, что «в этой бюрократии нет смысла, мы же одна семья». Как видишь, отсутствие бюрократии иногда играет на руку. Эта квартира принадлежит мне по праву наследования. Ты здесь — гость. И срок твоего визита истек.

— На улице холод! — взвизгнула Анита, выглядывая из-за его спины. — Вы не можете выгнать нас так! Мы же... мы же голые!

Я посмотрела на неё. На её розовое полотенце, которое теперь казалось мне грязной тряпкой.

— Ты права, деточка. Моё гостеприимство не знает границ.

Я встала, прошла в прихожую и открыла шкаф. На самой нижней полке, за обувными коробками, лежали они. Резиновые дачные шлепки Антона. Ярко-синие, сорок пятого размера, с дырками для вентиляции. Я купила их за триста рублей на каком-то развале три года назад.

Я швырнула их в коридор. Шлепки гулко ударились о паркет.

— Твой транспорт, Антоша. И накинь на себя что-нибудь из прихожей... ах да, я же и там всё убрала. Какая жалость.

Я подошла к входной двери и распахнула её настежь. Прохладный воздух из подъезда ворвался в квартиру, принося с собой запах осени и соседских обедов.

— Пошли. Оба.

— Люся, — Антон попытался зайти с другой стороны, в его голосе прорезались слезливые нотки. — Люсенька, ну бес попутал. Ну прости. Давай мы её сейчас выставим, и я всё

объясню. Я люблю тебя, это просто... это просто кризис среднего возраста. Посмотри на меня! Куда я пойду в таком виде?

— К новой жизни, Антон. Ты же хотел хай-тек? В подъезде как раз недавно покрасили стены, очень современный серый цвет. Тебе пойдет.

Я сделала шаг к нему, и Арчибалд снова издал предупреждающее «мррр-ау». Антон вздрогнул. Понимая, что я не шучу, он схватил со стола подушку-думку — маленькую, расшитую бисером, которую я привезла из Турции. Прижал её к животу.

Анита, поняв, что её «тигр» окончательно деградировал до состояния общипанного кота, вцепилась в свое полотенце.

— Я вызову полицию! — крикнула она мне, проходя мимо к двери. — Вы за это ответите!

— Вызывай, — кивнула я. — Расскажешь им, как ты ворвалась в чужую квартиру и пыталась украсть чужого мужа. Думаю, протокол будет очень интересным. Кстати, Анита... полотенце оставь себе. Это мой прощальный взнос в твоё приданое. Оно хорошо впитывает слезы.

Я буквально вытеснила их на лестничную площадку. Антон в синих шлепках и с диванной подушкой. Анита в розовом махровом коконе, босая и растрепанная. Они стояли на бетонном полу, освещенные тусклым светом подъездной лампы, и выглядели как актеры из очень плохого, сюрреалистичного театра.

— Люся, отдай хотя бы телефон! — крикнул Антон, когда я начала закрывать дверь. — Как я вызову такси?!

— Воспользуйся силой мысли, Антоша. Ты же у нас строишь цифровые экосистемы. Вот и построй себе путь до дома матери.

Я взяла с тумбочки маленькую безделушку — тот самый розовый брелок-зайчик, который выпал из сумки Аниты. И швырнула его им под ноги.

— Чтобы не скучно было.

Дверь закрылась. Сначала я повернула нижний замок — тихий, деликатный «клик». Затем — верхний, массивный ригель, который отозвался тяжелым, окончательным звуком. «Бам».

Всё.

Я осталась в тишине. Пакет с часами за полмиллиона всё так же лежал на тумбочке, поблескивая бархатом. Коробка с «Графскими развалинами» зияла некрасивой раной на журнальном столике.

Я медленно опустилась на пуфик в прихожей. Мои ноги, которые гудели весь день, вдруг стали совсем ватными. Рука, державшая телефон, задрожала так сильно, что гаджет едва не выскользнул на пол.

За дверью слышались приглушенные крики. Анита визжала что-то нечленораздельное, Антон гулко басил, требуя открыть. Потом раздался звук удара по металлу — видимо, он решил постучать ногой.

— Открывай! Люция! Ты не имеешь права! Слышишь?! Я вернусь с адвокатом!

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором проплыли картинки: наша свадьба, его первая работа, как мы выбирали этот самый шкаф, как он обещал мне, что мы состаримся вместе в этом доме...

Двадцать лет.

Это действительно серьезный срок. Но за убийство дают меньше. А меня только что выпустили на свободу.

Арчибалд подошел ко мне, запрыгнул на колени и начал громко, настойчиво мурчать, упираясь головой в мою грудь. Его шерсть пахла домом. Не мускусом, не сахаром, а просто теплом и покоем.

— Мы справимся, Арчи, — прошептала я, зарываясь пальцами в его густой мех. — Мы обязательно справимся. А в спальне мы завтра же всё перекрасим. В холодный, горький апельсин.

Дрожь в руках постепенно утихла. Я посмотрела на свое отражение в зеркале. Тушь не потекла — я ведь так и не заплакала. Глаза светились странным, лихорадочным блеском.

Я достала из сумочки визитку Вадима Дружкова. Черный плотный картон, тиснение золотом. «Вадим Дружков. Безопасность и право».

Интересно, Вадим, вы когда-нибудь защищали женщин, которые выгоняют мужей голышом в юбилей свадьбы? Думаю, мой кейс будет в вашей практике самым ярким.

Я положила визитку поверх футляра с часами. Время пошло по-новому. По моему собственному времени.

А за дверью, в подъезде, тем временем начиналась вторая часть представления. Я услышала, как на четвертом этаже открылась дверь — это баба Маня, наш самопровозглашенный комендант дома, вышла на шум.

— Батюшки! — донесся до меня её зычный голос. — Антошка? А ты чего это... в чем мать родила? И девка с тобой кака-то... Люська-то знает?

Я невольно улыбнулась. Шоу продолжалось, но я больше не была его участницей. Я была режиссером, который только что закрыл занавес.

«Иди домой, Антон, — подумала я, слушая, как он пытается что-то объяснить соседке. — Арчибальд тебя все равно больше не пустит. И я — тоже».

В животе внезапно заурчало. Дикий, первобытный голод скрутил желудок. Я посмотрела на торт.

— Нет, Арчи. «Развалины» мы доедать не будем. Мы закажем что-нибудь острое. И очень дорогое.

Я встала, выпрямила спину и пошла на кухню, стараясь не слушать, как за дверью Антон Меньшиков пытается прикрыть свою поруганную честь диванной подушкой с бисером. Моя новая жизнь начиналась с тишины, запаха хлорки, которой я собиралась вымыть каждый сантиметр пола, и осознания того, что в сорок два года я, наконец-то, повзрослела.

И это было прекрасное чувство. Гораздо лучше, чем швейцарские часы на руке предателя.

Я открыла приложение доставки и выбрала самый острый сет суши. С имбирем, васаби и тем вкусом свободы, который нельзя купить ни в одном ювелирном салоне мира.

А в подъезде тем временем раздался звук лифта и молодой мужской смех. Кажется, курьер с пищей для кого-то из соседей прибыл вовремя.

Глава 4. Дефиле позора

Стук в дверь не был ритмичным — это был сбивчивый, истеричный грохот человека, который привык, что любые двери в этой жизни открываются перед ним по первому требованию. Антон бил кулаком, потом, кажется, плечом, а затем я услышала сухой металлический лязг — он пытался дергать ручку. Напрасно. Эту дверь я выбирала сама, когда мы затеяли капитальный ремонт пять лет назад. Сейфовый замок, три контура уплотнения, броненакладка. Тогда Антон смеялся: «Люся, ты что, собралась там хранить запасы Алмазного фонда? Мы же в приличном доме живем».

Как оказалось, Алмазный фонд здесь ни при чем. Защита требовалась от него самого.

— Люция, открой! Это не смешно! — голос мужа через стальное полотно звучал приглушенно, но я отчетливо слышала каждую фальшивую ноту. — Там у Аниты телефон остался! Ей нужно такси вызвать! Ты понимаешь, что ты совершаешь уголовное преступление? Это незаконное удержание имущества!

Я прислонилась лбом к холодному металлу. Вибрация от его ударов передавалась в череп, отзываясь тупой болью в висках. Удивительно, но я не чувствовала страха. Только безграничную, выжигающую всё внутри брезгливость. В ювелирном деле есть понятие «каверна» — пустота внутри камня, заполненная газом или жидкостью. Снаружи бриллиант может выглядеть безупречно, но одна такая полость делает его хрупким и дешевым. Мой брак оказался одной сплошной каверной, прикрытой тонким слоем полированного самообмана.

— Считай это залогом за мои испорченные нервы, Антон, — произнесла я, не повышая голоса. Я знала, что звукоизоляция у двери отличная, но в ночной тишине подъезда он меня услышит. — И за богемский хрусталь, который вы разбили. Хотя... какая мелочь этот хрусталь по сравнению с тем, что вы разбили здесь.

За дверью послышался пронзительный женский всхлип, переходящий в ультразвуковое завывание.

— Анто-о-он! Мне холодно! У меня ноги замерзли! Тут сквозняк из подвала! Сделай что-нибудь, ну Анто-о-он!

— Заткнись, Анита! Я пытаюсь! — рявкнул мой «тигр», и в этом рявке уже не было ни грамма вальяжности. Только паника и осознание собственного ничтожества.

Я медленно, стараясь не производить лишнего шума, потянулась к дверному глазку. Рыбий глаз линзы исказил пространство лестничной площадки, превратив его в кривое зеркало из комнаты смеха. Но мне было не смешно.

В центре этого искаженного мира стоял мой муж. Антон Меньшиков, менеджер среднего звена с амбициями Илона Маска, выглядел сейчас как неудачный реквизит из комедии положений. Синие резиновые шлепки, которые я швырнула ему вслед, были на два размера больше, и он постоянно выскальзывал из них, нелепо поджимая пальцы. Но венцом образа была подушка. Та самая декоративная подушка-думка, расшитая бисером, которую я привезла из Турции. Он прижимал её к животу обеими руками, пытаясь прикрыть свою поруганную мужскую честь, и бисер, должно быть, больно впивался в его бледную кожу.

Рядом, жавшись в угол у лифта, стояла «кошечка». Розовое полотенце — моё любимое, пушистое, купленное на распродаже в «Стокманне» — на её крошечной фигурке смотрелось нелепо. Оно постоянно сползало с худых плеч, обнажая кожу, покрытую гусиной кожей от холода. Её лицо, которое еще полчаса назад наверняка сияло от самодовольства, превратилось в маску из фильма ужасов. Дешевая тушь потекла, оставив на щеках черные грязные разводы, а накладные ресницы на одном глазу отклеились и болтались, как лапка дохлого паука.

— Люция Владимировна! — Анита вдруг решила сменить тактику и заговорила жалобно, срываясь на писк. — Ну пожалуйста... отдайте вещи. Там куртка... она же из новой коллекции! И сапоги... они же стоят как моя зарплата! Мы же просто... мы ничего такого не хотели!

— «Ничего такого»? — я усмехнулась, и этот звук напугал меня самой своей жесткостью. — Вы в моем доме, в мой праздник, на моей постели. Это, Анита, называется «всё такое». А твои сапоги... Знаешь, мусоровоз, который уехал пять минут назад, очень эффективно преследует «новые коллекции». Надеюсь, они были из экологичных материалов.

— Ты что, правда... — Антон задохнулся от ярости. — Ты выбросила мой кошелек? Там права! Там техпаспорт! Ты понимаешь, что ты натворила, дура?!

— Дура была та, что двадцать лет гладила тебе рубашки и верила в твои «стратегические сессии», — спокойно ответила я. — А та, что сейчас стоит за дверью, — вполне себе разумное существо. Она просто очистила территорию от хлама.

В этот момент в глубине подъезда раздался характерный звук — лязг дверей лифта на первом этаже. Мы все замерли. В глазок я видела, как Антон судорожно вжался в стену, пытаясь буквально слиться с краской, а Анита попыталась спрятаться за него, но его спина оказалась слишком узкой для двоих.

Цифры на табло лифта начали свой неспешный отсчет. 1... 2...

— Уходи! — зашипел Антон своей любовнице. — Спустись на этаж ниже, быстро!

— Куда я пойду босая?! — так же шепотом, но яростно огрызнулась она. — Сам уходи!

Лифт звякнул и открылся на нашем этаже.

На площадку вышел парень в ярко-красной куртке с огромным коробом за спиной. Курьер. В воздухе мгновенно разлился запах горячего теста, сыра и дешевой колбасы. Пицца. Обычный вечер буднего дня для кого-то из соседей.

Парень сделал шаг к дверям, уткнулся в телефон, выверяя номер квартиры, и поднял голову.

Я видела его лицо в глазок. Сначала на нем отразилось профессиональное равнодушие, которое через секунду сменилось глубочайшим, искренним шоком. Он перевел взгляд с Антона, застывшего в позе античной статуи «Мужчина с бисерной подушкой», на розовый кокон Аниты.

— Э-э-э... — выдавил курьер, инстинктивно прикрывая короб с пиццей, словно боялся, что голые люди сейчас совершат на него налет. — Добрый вечер. Тридцать восьмая квартира?

— Соседняя! — рявкнул Антон, не меняя позы и стараясь смотреть куда-то в сторону потолка. — Проваливай, парень! Не видишь — у нас тут... аварийная ситуация!

Курьер, судя по его округлившимся глазам, видел в этой жизни многое, но не голых менеджеров в синих шлепках сорок пятого размера. Он начал пятиться назад к лифту, судорожно нажимая на кнопку вызова.

— Да-да, извините... Я... я подожду внизу. Или на лестнице. Сорян.

Он буквально выпрыгнул в пролет, и через секунду до нас донесся его захлебывающийся смех и громкий шепот в телефон: «Лёха, ты не поверишь! Тут на третьем этаже нудисты бастуют! С подушкой! С розовым полотенцем! Реально, отвечаю, голяком стоят! Снимай, если успеешь добежать!».

Антон издал звук, похожий на стон раненого зверя. Его унижение стало публичным, зафиксированным и, возможно, уже летящим в какой-нибудь районный чат.

— Люция, ты этого хотела? — прошипел он в дверную щель. — Позора? Ну вот, меня увидел посторонний человек. Твоего мужа! Тебе не стыдно?

— Стыдно — это когда ты врешь в глаза двадцать лет, Антон. А когда ты стоишь голый в подъезде — это просто закономерный финал твоей блестящей карьеры «хищника». И не называй себя моим мужем. Мой муж остался где-то там, в воспоминаниях, когда мы были

бедными, но честными. А ты — просто биологический объект, который занимает место в моей прихожей.

Я отошла от двери. Внутри было странное чувство легкости. Адреналин, который до этого заставлял сердце колотиться о ребра, начал отступать, оставляя после себя холодную, кристальную ясность.

Я прошла в гостиную. Здесь всё еще стоял этот удушливый запах её духов. «Сахарная вата», приторная и дешевая. Она въелась в занавески, в обивку дивана, в мой воздух.

Я подошла к окну и распахнула створку настежь. Холодный осенний ветер ворвался в комнату, надувая шторы, словно паруса. С подоконника недовольно спрыгнул Арчибальд. Он подошел к двери гостиной и сел там, глядя на входную дверь с таким видом, будто ожидал, что «мусор» сейчас попытается просочиться обратно через замочную скважину.

— Не бойся, Арчи. У него нет ключей. А те, что были — уже в пути на свалку.

Я подошла к комоду. Там, в верхнем ящике под моими шарфами, лежал планшет Антона. Я достала его. Гладкий черный экран, отпечатки его пальцев. Я знала пароль — 1405. Дата нашей свадьбы. Май, цветение сирени, мы такие молодые и счастливые у старого ЗАГСа.

Экран вспыхнул.

Уведомления посыпались как из рога изобилия. Я не собиралась шпионить, но сообщения от банка и МФО висели прямо на заблокированном экране. «Уважаемый Антон Владимирович, напоминаем о необходимости внесения платежа по займу...». «Ваш лимит по карте... исчерпан».

Мои брови поползли вверх.

Я знала, что у него «трудности», но масштаб... Этот человек, который только что рассуждал о хай-теке и «новой жизни», был по уши в долгах. И, судя по датам, долги эти тратились не на «цифровые экосистемы», а на подарки «кошечке». Кольца, рестораны, отели. Он покупал её восхищение на деньги, которые брал под грабительские проценты, пока я экономила на сапогах.

Брезгливость сменилась ледяным гневом. Он не просто изменил. Он обкрадывал наше будущее, обкрадывал меня, пользуясь моей доверчивостью и «синдромом отличницы», которая всегда подставит плечо.

— Мразь, — тихо сказала я, и Арчибальд согласно мяукнул.

В подъезде тем временем разыгрывалась вторая часть представления. Послышались тяжелые, размеренные шаги. Кто-то спускался сверху.

— Батюшки-светы! — зычный, хорошо поставленный голос бабы Мани, нашего местного самопровозглашенного прокурора, разрезал тишину подъезда как гильотина. — Антошка? Меньшиков? Ты ли это, милоч?

Я снова припала к глазку. Это зрелище стоило всех пережитых за вечер минут.

Баба Маня, в своем неизменном синем халате и вязаном платке, застыла на лестничном пролете, поправляя очки. В руках она держала мусорный пакет — видимо, совершала свой ежевечерний ритуал очистки территории.

— З-здравствуйте, Марья Ивановна... — выдавил Антон, пытаясь изобразить поклон и при этом не выпустить из рук подушку.

— Какое «здравствуйте», ирод! — Баба Маня спустилась еще на две ступеньки, рассматривая композицию из голого мужика и девицы в полотенце. — Ты чего это... в таком непотребном виде? Опять в карты проигрался? Или в секту какую записался, где одежду на входе отбирают?

— Мы... у нас замок заклинило... — попытался соврать Антон, но голос его дрогнул.

— Замок у него заклинило! — Баба Маня перевела взгляд на Аниту, которая пыталась буквально всосаться в стену. — А это что за чудо-юдо в розовых перьях? То есть в полотенце? Люська-то знает, что ты тут с голозадыми девками по этажам скачешь?

— Баб Мань, идите куда шли, а? — огрызнулся Антон, теряя последние крохи своего напускного достоинства. Подушка в его руках дрогнула, открывая взору старушки чуть больше подробностей, чем требовали приличия сталинского дома с его высокими потолками и строгими нравами.

— А ты мне не указывай, сопляк! — Марья Ивановна уперла свободную руку в бок, не обращая внимания на тяжелый мусорный пакет, который едва не касался шлепанца Антона. — Я тебя еще вот таким помню, когда ты в эти шлепки под стол пешком ходил! Люська — золотобаба, двадцать лет на тебя, оболтуса, пахала, как проклятая! В «Эстет» своем по двенадцать часов на ногах, копеечку к копеечке складывала, чтобы ты, индюк надутый, в чистых рубашках ходил! А ты? Ты посмотри на себя! Тьфу! Срамота подзаборная!

Анита, не выдержав общественного порицания и холодного взгляда старухи, который, казалось, препарировал её через розовое полотенце, вдруг взвизгнула. Это был тонкий, срывающийся звук загнанного в угол зверька.

— Что вы на меня смотрите?! — пронзительно выкрикнула она, и эхо её голоса заметалось между этажами. — Это он меня сюда позвал! Он сказал, что он тут хозяин! Что жена — это так, временное недоразумение!

— Хозяин... — баба Маня издала короткий, сухой смешок, похожий на треск ломающейся ветки. — Хозяин в синих шлепках. Слышь, «хозяин», ты хоть подушку-то не урони, а то всё твоё хозяйство на смех всему подъезду вывалится. Завтра же участковому всё доложу! И в правление! Нудистов нам тут только не хватало! Развели вертеп в приличном месте!

Она демонстративно сплюнула в сторону и начала неспешно спускаться дальше, обходя Антона по широкой дуге, словно он был кучей строительного мусора, которую забыли вывезти. Я видела в глазок, как её седая голова в платке плавно исчезает за перилами, и слышала её удаляющееся ворчание о том, что «при Сталине таких в двадцать четыре часа за можай выселяли».

Антон стоял, привалившись плечом к холодной стене, и в его глазах я увидела то, чего ждала все эти годы. Нет, не раскаяние. Страх. Обычный, мелкий, животный страх человека, чья зона комфорта лопнула, как дешевый презерватив.

— Люция! — он снова ударил в дверь, но уже не кулаком, а ладонью. — Всё, шоу закончилось! Ты своего добила! Нас все видели! Теперь открой и дай мне одеться! Я уйду, клянусь, просто дай мне штаны!

Я снова подошла к двери вплотную. Сейчас, когда его голос дрожал, я чувствовала себя странно спокойной. Словно я была не обманутой женой, а ювелиром, который наконец-то отделил настоящий изумруд от куса бутылочного стекла.

— Послушай меня, Антон, — сказала я, и мой голос прозвучал удивительно чисто. — В моем доме больше нет твоих штанов. В моем доме вообще больше нет ничего твоего. Каждая вилка, каждый сантиметр этого паркета, даже воздух, которым ты сейчас дышишь — это результат моей работы. Моего терпения. Моей любви, которую ты пустил на распыл. У тебя есть ровно одна минута. Если через шестьдесят секунд я всё еще буду слышать ваше дыхание в подъезде, я нажимаю кнопку вызова охраны. И поверь, ребята из «Секьюрити-Групп» очень не любят ложные вызовы. Они оформят вас так, что твоя физиономия украсит все сводки происшествий района. А у Аниты, я уверена, очень строгий отдел кадров.

— Ты сумасшедшая... — прошептала Анита.

— Нет, милая. Я просто проснулась, — ответила я. — Время пошло.

Я отошла от двери и начала считать. Раз. Два. Три...

За дверью послышалась какая-то возня. Шлепанье подошв по бетону.

— Анита, стой! погоди! — приглушенный крик Антона.

— Пошел ты, Антон! — её голос был уже далеко, где-то на пролет ниже. — Твоя жена права, ты — ничтожество! Не звони мне больше!

Затем раздался звук, который окончательно поставил точку в этом дефиле. Ритмичный, быстрый топот босых ног — Анита бежала вниз, не дожидаясь лифта. Розовое полотенце, должно быть, развевалось за ней, как флаг её капитуляции. Антон замешкался на секунду, видимо, выбирая между попыткой еще раз ударить в мою дверь и необходимостью догнать свою «кошечку». Страх перед полицией и позором перевесил.

— Ты еще пожалеешь, Люська! — крикнул он, прежде чем его синие шлепки начали судорожно «шлепать» по ступеням. — Ты у меня еще в ногах валяться будешь! Всё отсужу! До копейки!

Гулкое эхо его угроз затихло где-то в районе первого этажа. Тяжело хлопнула входная дверь подъезда. Наступила тишина. Та самая звенящая, ватная тишина, которая бывает в лесу после сильного ливня.

Я стояла в прихожей, глядя на свое отражение в зеркале шкафа-купе. Та же женщина. Та же укладка. Те же глаза. Но внутри произошел тектонический сдвиг.

— Мы победили, Арчи, — прошептала я, опускаясь на пуфик.

Кот подошел к двери, обнюхал замочную скважину, брезгливо фыркнул и начал намы-вать лапу. Его спокойствие передалось и мне. Но расслабляться было рано.

Глава 5. Непризнанный голый гений (Антон)

от лица Антона

Джинсы от Henderson стоили пятнадцать тысяч. Со скидкой — тринадцать пятьсот, но это были лучшие джинсы в моей жизни. Они идеально сидели на бедрах, не топорщились на коленях и придавали мне тот самый вид успешного человека, который вот-вот закроет сделку на миллион, даже если в кармане лежала только пара сотен на обед в бизнес-ланче. А еще там, в заднем кармане, лежал мой бумажник из натуральной кожи теленка. И паспорт. И права. И карточка фитнес-клуба, в который я собирался пойти уже полгода.

Все это сейчас гнило в недрах мусоровоза. Из-за неё. Из-за женщины, которую я считал предсказуемой, как расписание электричек.

— Ненормальная! Сумасшедшая! Психопатка! — выкрикивал я в пустоту лестничного пролета, хотя легкие уже горели от холодного воздуха и резкого бега.

Ступни в дурацких синих шлепках соскальзывали с бетонных ступеней. Эти тапки были мне велики — Люська купила их когда-то для дачи, на вырост что ли? Они «чмокали» по бетону, издавая омерзительный, липкий звук, который эхом разлетался по всему подъезду. «Шлеп-шлеп-шлеп». Словно само здание аплодировало моему позору.

Я прижимал к животу эту чертову бисерную подушку так сильно, что острые края стекла впились в кожу. Было больно, но выпустить её означало остаться совсем уж беззащитным перед этим миром. Бисер казался мне холодным и колючим, как и сама Люция. Боже, двадцать лет! Двадцать лет я жил с женщиной, в которой, как выяснилось, дремал настоящий монстр. Где та тихая, покладистая Люся, которая слова поперек не могла вставить? Куда делась та удобная жена, которая только и знала, что наглаживать воротнички и подсовывать мне лучшие куски мяса? Я ведь благодетельствовал её! Я, мужчина в самом расцвете, со светлой головой и огромными перспективами, подарил ей свои лучшие годы, а она...

Впереди, на пролет ниже, мелькало розовое пятно. Анита неслась вниз так, будто за ней гнались все демоны ада. Её полотенце опасно развевалось, обнажая худые лопатки и стройные ноги, но сейчас мне было не до эстетики. Моя «кошечка», моя нежная, понимающая девочка, которая еще час назад шептала мне о том, какой я необыкновенный и как сильно я отличаюсь от «офисного планктона», теперь напоминала взлохмаченную розовую цаплю.

— Анита! Стой! Подожди! — прохрипел я, едва не подвернув ногу на повороте второго этажа.

Она даже не обернулась. Только её топот — быстрый, судорожный — становился все глуше. Она не дождалась лифта, она боялась, что двери откроются и там снова окажется кто-то вроде той старой карги, бабы Мани, или того сопляка-курьера. Мысль о курьере отозвалась острой болью в районе солнечного сплетения. Моя репутация. Мое лицо. Если этот щенок выложит видео в сеть... Я ведь менеджер, у меня совещания, у меня стратегические сессии!

Я вылетел на первый этаж, когда тяжелая входная дверь в подъезд уже начала медленно закрываться на доводчик. «У-у-у... бам!» — глухой, окончательный звук. Словно гильотина отсекла мое прошлое от настоящего.

Я выскочил на крыльцо и тут же замер, скорчившись от резкого удара по нервам. Осенний вечер в Москве — это не романтическая прогулка. Это пронизывающий, липкий ветер, который мгновенно нашел все незащищенные участки моего тела. А их было... ну, почти всё. Кожа на плечах мгновенно покрылась пупырышками, а соски затвердели от холода, болезненно натираясь о грубую ткань подушки.

— Господи, как холодно... — простонал я, чувствуя, как холодный асфальт высасывает остатки тепла через тонкую подошву шлепанцев.

Анита стояла у самого края тротуара, вжавшись в бетонную стену дома. В свете тусклого фонаря она выглядела жутко. Её волосы, которые она так старательно укладывала, слиплись в грязные сосульки. Тушь размазалась по всему лицу, превратив её глаза в две черные дыры. Она дрожала так сильно, что было слышно, как стучат её зубы.

— Ан-тон... — выдохнула она, и в её голосе не было ни капли той нежности, которую я привык слышать. — Телефон... Где твой телефон? Вызывай такси! Сейчас же!

Я замер. Рука, которую я инстинктивно прижал к бедру, нащупала лишь холодную кожу.

— У меня нет телефона, Анита. Он остался на тумбочке. В спальне.

— Что?! — она сделала шаг ко мне, и её розовое полотенце едва не соскочило с плеча. — А твой планшет? Ты же с ним не расставался!

— В комоде. Она его спрятала. Или выбросила... — я зажмурился, пытаюсь отогнать картину того, как мой новенький iPad превращается в лепешку под прессом мусоровоза. — Твой! Твой же был в сумке!

— Сумка в гостиной была! — закричала она, срываясь на ультразвук. — И платье моё! И бельё! Ты... ты понимаешь, что я голая под этой тряпкой?! У меня там ничего нет! И связи нет!

Мы стояли друг напротив друга — два голых, замерзающих идиота под светом одинокого московского фонаря. Мимо проехала машина, обдав нас светом фар. Я судорожно прикрылся подушкой, чувствуя себя клоуном в цирке уродов. Водитель притормозил на секунду, видимо, сомневаясь, стоит ли вызывать санитаров, но потом резко прибавил газу.

— Нам нужно найти телефон, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос не так сильно дрожал. — Валерка. Нужно позвонить Валерке Друзю. Он живет тут неподалеку, на Большой Грузинской. Он приедет, он привезет одежду.

— И как ты ему позвонишь, гений?! — Анита обхватила себя руками. — Пойдешь в «Дикси» в таком виде? Просить телефон у кассирши?

Я огляделся. Наш двор, который я всегда считал безопасной гаванью, сейчас казался враждебной территорией. Окна домов светились уютным желтым светом. Там люди пили чай, смотрели телевизор, ругались из-за немытой посуды — и все они были одеты. На них были халаты, футболки, чертовы штаны! Я готов был отдать всё, что у меня осталось (правда, осталось у меня немного — шлепки и подушка), за пару самых дешевых треников.

— Там, за углом, круглосуточная аптека, — я указал в сторону выезда из двора. — Там всегда есть охранник. У них должен быть стационарный телефон.

— Я туда не пойду! — Анита вжалась в стену еще сильнее. — Ты представляешь, как я выгляжу? Я модель! Я в инстаграме лицо бренда косметики! Если меня кто-то узнает...

— Да кто тебя узнает в полотенце и с лицом панды?! — огрызнулся я. — Стой здесь. Спрячься за кустами у забора. Я... я быстро.

Я понимал, что мой «марш-бросок» до аптеки станет самым длинным путем в моей жизни. Ноги онемели. Синие шлепки казались налитыми свинцом. Каждый шаг по мокрому асфальту отзывался в позвоночнике.

Я пошел. Стараясь держаться в тени деревьев, я огибал детскую площадку. Мимо пробежала кошка, подозрительно посмотрела на меня и скрылась в подвале. Я чувствовал себя первобытным человеком, которого выгнали из пещеры, только вместо шкуры мамонта у меня была подушка с бисером.

Я вышел за ворота двора. Улица была пуста, но вдалеке показались две фигуры. Подростки. С колонкой, из которой орал какой-то невнятный рэп. Я замер за рекламным щитом, чувствуя, как сердце колотится в горле. «Пожалуйста, пройдите мимо, — молил я. — Пожалуйста...».

Они прошли, даже не повернув головы, занятые своим разговором. Я выдохнул.

Аптека «Горздрав» сияла неоновым крестом в пятидесяти метрах. Эти метры казались мне километрами по раскаленным углям, хотя асфальт был ледяным. Я почти бежал, шлепая подошвами по лужам.

Дверь аптеки звякнула, возвещая о моем триумфальном входе. Теплый воздух ударил в лицо, принося запах антисептиков и травяных чаев.

За прилавком сидела молодая девушка-фармацевт в белом халате, скущая листая что-то в телефоне. У двери, на маленьком стульчике, дремал пожилой охранник в форме, которая была ему явно велика.

— Э-э-э... добрый вечер, — выдавил я, стараясь максимально прикрыться подушкой и не выходить на середину зала.

Охранник подпрыгнул, хлопая глазами. Девушка подняла голову и... её рот медленно открылся. Она смотрела на мои синие шлепки, на голые волосатые ноги, на бисерную подушку, которую я прижимал к груди как щит.

— Молодой человек, у нас аптека, а не... — начал было охранник, поднимаясь и нащупывая дубинку.

— Пожалуйста! — перебил я его, чувствуя, как краснеют уши. — У меня... у нас ЧП. Пожар. То есть, не пожар, трубу прорвало. Замки заклинило, мы выскочили... в чем были. Понимаете? Квартира на сигнализации, телефон внутри. Позвольте сделать один звонок! Это вопрос жизни и смерти!

Фармацевт переглянулась с охранником. В её глазах я прочитал смесь ужаса и дикого желания заржать. Она прикрыла рот ладонью.

— Номер... какой номер? — спросила она, пододвигая к краю прилавка стационарный телефон.

— 8-903... — я начал диктовать, судорожно вспоминая цифры. Валерка Друзь. Слава богу, я помнил его номер наизусть еще с института. Мы с ним столько раз выручали друг друга, правда, обычно это касалось «перехватить до зарплаты» или «прикрой перед шефом», а не «привези штаны к аптеке».

Пошли гудки. Громко, на всю стерильную тишину аптеки.

— Да? — раздался в трубке сонный, чуть хриплый голос Валерки.

— Валера! Валер, это Антон! Не вешай трубку! — я затараторил, чувствуя на себе взгляд охранника, который теперь рассматривал мой живот. — Брат, слушай... тут такое дело... Форс-мажор. В общем, Люська с ума сошла. Выгнала меня. Голого. Да, совсем. Нет, не шучу! Валер, я в аптеке на углу Красной Пресни. Приезжай, а? Привези одежду. Любые штаны, куртку, хоть что-нибудь!

— Меньшиков? — Валерка издал короткий смешок, который тут же перерос в громовой хохот. Я слышал его даже без громкой связи. — Ты серьезно? Она тебя в чем мать родила выставила? На годовщину?! Ну ты даешь, старик! Я всегда говорил, что твои «стратегические сессии» боком выдут...

— Валера, хватит ржать! — я сорвался на крик, забыв, где нахожусь. — Тут Анита со мной! Она в полотенце! Мы замерзаем!

— Ладно, ладно... — Валерка продолжал всхлипывать от смеха. — Буду через двадцать минут. Жди, «хищник». Только смотри, чтобы патруль тебя раньше не подобрал.

Я положил трубку. Мои руки дрожали так, что я едва попал аппаратом на базу.

— Спасибо, — буркнул я фармацевту. — Я... я подожду на улице.

— Подождите, — вдруг сказала она, выходя из-за прилавка. — У нас тут... в подсобке... старая спецовка осталась. После ремонта. Куртка и штаны. Пыльные, конечно, в краске, но всё лучше, чем подушка.

Я готов был упасть ей в ноги и целовать её аптечные тапочки.

Через минуту я вышел из аптеки. На мне была огромная, вонючая куртка дорожного рабочего с оранжевыми светоотражающими полосами и штаны, которые в поясе можно было обернуть вокруг меня дважды. Но это была одежда! Ткань! Защита!

Подушку я засунул подмышку. Она теперь казалась мне трофеем, символом моей выживаемости. Я почти бегом вернулся ко двору.

— Анита! — позвал я в темноту кустов. — Анита, я здесь! Я нашел штаны! И куртку! Валерка едет!

Из тени вышла Анита. Она посмотрела на мой новый прикид — оранжевый, грязный, пахнущий олифой.

— Ты... ты выглядишь как гастарбайтер с теплотрассы, — сказала она, и в её голосе была такая ледяная пустота, что мне стало не по себе. — Где моё? Ты мне что-нибудь принес?

— Анита, там не было женского... — я начал оправдываться. — Потерпи, Валерка привезет нормальные вещи. На, надень куртку, она теплая.

Я протянул ей оранжевую робу. Она посмотрела на неё с таким отвращением, будто я предлагал ей надеть дохлую крысу.

— Я это не надену, — отрезала она. — Я лучше замерзну. Знаешь, Антон... — она сделала паузу, и её взгляд стал на удивление трезвым. — Я, пожалуй, пойду к дороге. Там светлее. И... не звони мне больше.

— Что? — я опешил. — В смысле «не звони»? Анита, мы же... мы же вместе! Ты же говорила, что я единственный, кто тебя понимает! Что Люция — унылая клуша, а я — твой герой!

— Это было в квартире с высоким потолком и бокалом Саперави, — она поправила полотенце, которое теперь казалось ей кольчугой. — А здесь... здесь ты просто смешной мужик в оранжевой робе и синих тапках. И подушка эта твоя... она такая же фальшивая, как и твои сказки про «свой бизнес». Ты — пустое место, Антон.

Она развернулась и пошла к выезду из двора. Босая. Гордо вскинув подбородок, несмотря на размазанную тушь. Розовое полотенце развевалось на ветру, как флаг капитуляции моих надежд.

Я остался один. В оранжевой куртке, пахнущей краской, и с бисерной подушкой под мышкой.

Тишина двора давила на уши. Только где-то вдалеке гудели машины, напоминая о том, что город живет своей обычной жизнью. Я стоял на асфальте, чувствуя, как ярость начинает вытеснять холод.

Взгляд невольно метнулся к мусорным бакам. Люция сказала, что она всё выбросила. Весь мой «хлам».

Я короткими, вороватыми перебежками направился к контейнерной площадке. Оранжевые полосы на моей куртке зловеще поблескивали в свете фонаря. Я выглядел как безумный дворник.

Площадка встретила меня запахом кислых очисток. Я подошел к первому баку. Он был полон. Я начал свободной рукой разворошить мусор. Ковырял пальцами какие-то коробки из-под пиццы, пустые бутылки. Мои джинсы... Мой бумажник...

Внезапно под пальцами хрустнуло что-то знакомое. Глянец. Я вытащил клочок бумаги. Это был рекламный буклет ювелирного салона «Эстет». Весь в каких-то помоях, измятый. На обороте была пометка рукой Люции: «Подарок Антону. 20 лет».

Она реально это сделала. Она выбросила мою жизнь в помойку. Вместе с подарком, который, судя по её словам, стоил целое состояние.

Я почувствовал, как к горлу подкатывает комок. Это была не грусть. Это была ярость, смешанная с обидой. Двадцать лет я был уверен, что я — центр её вселенной. Что всё, что она

делает — это ради меня. Её работа, её экономия, её вечное «Антоша, покушай». Я принимал это как должное. Как воздух. И вот теперь воздух закончился.

Она думает, что она сильная. Она думает, что может вот так просто вычеркнуть меня.

— Ну нет, дорогая... — я выпрямился в своей вонючей робе. — Посмотрим, как ты запоешь, когда узнаешь про кредиты.

Эта мысль согрела меня лучше любого одеяла. Люция ведь даже не подозревает, какую финансовую воронку я вырыл под нашим «идеальным домом». Она думает, что я просто «ищу себя». Она не знает про те три микрозайма на «бизнес-план», который я спустил в онлайн-казино. Она не знает про кредитную карту на её имя, с которой я оплачивал отели для Аниты.

Она хочет аффинаж? Она его получит. Она узнает, что такое «чистое золото», когда коллекторы начнут обрывать её рабочий телефон. В «Эстете» не любят скандалов. О, они очень не любят, когда к ним приходят хмурые ребята и спрашивают про долги консультанта Фиалковой.

Я поднял голову. Окна нашей квартиры на третьем этаже были открыты. Я видел, как шторы колыхнутся на ветру. Люция там, внутри. Чистит квартиру. Вымывает мой запах.

— Мой запах ты вымоешь, Люська, — прошептал я, сжимая в руке грязный буклет. — А вот долги ты не отмоешь. Я заберу эту квартиру. Я найду адвокатов. Я докажу, что ты не в себе. Ты выбросила голого мужа на улицу — это ли не признак безумия?

Вдалеке послышался рев мотора. Черный «Инфинити» Валерки Друзя влетел во двор, визжа шинами. Он приехал. Мой билет в контрастопление.

Я бросил буклет обратно в помойку и направился к машине, на ходу пытаюсь придать лицу выражение оскорбленной невинности.

— Ну что, Валер, — сказал я, открывая дверь и садясь на дорогое кожаное сиденье в своей грязной робе. — Шоу закончилось. Начинается война. Я засужу эту стерву!

Валерка посмотрел на меня, на подушку, на оранжевую куртку и... просто лег лбом на руль, содрогаясь от хохота.

— Меньшиков... — выдавил он сквозь слезы. — Ты... ты в этом в суд пойдешь?

— Смейся, смейся, — я захлопнул дверь, отрезая себя от холодного двора. — Завтра мне будет не до смеха. И ей — тем более.

Глава 6. Санитарный час

Дешевая парфюмерная композиция, состоящая из ударной дозы этилванилина и самого низкопробного мускуса, обладает удивительной живучестью. В ювелирном деле мы называем это «диффузией порока» — когда одно некачественное вкрапление в камне со временем начинает влиять на структуру всего кристалла. Анита ушла, оставив после себя не только розовое полотенце и позор моего мужа, но и этот удушливый, липкий запах, который теперь казался мне физически осязаемым. Он висел в воздухе моей гостиной, как невидимая серая плесень, оседая на шелковых обоях, впитываясь в обивку кресел, забиваясь в ворс ковра.

Я подошла к окну и с силой рванула на себя створку. Холодный, злой октябрьский ветер ворвался в комнату, мгновенно взметнув занавески. Шторы захлопали, словно крылья раненой птицы. Арчибальд, сидевший на подоконнике, недовольно прижал уши и спрыгнул на пол, сверкнув желтыми глазами.

— Терпи, Арчи, — прошептала я, чувствуя, как кожа на плечах покрывается мурашками от резкого перепада температуры. — Нам нужно выветрить этот бордель.

Я стояла у окна и смотрела на пустой двор. Где-то там, за поворотом, мусоровоз увозил в небытие Henderson и красные шпильки, а вместе с ними — двадцать лет моей жизни, которые я так старательно полировала до блеска. Теперь блеск сошел, обнажив грубый, неочищенный булыжник реальности.

Развернувшись, я окинула взглядом гостиную. На журнальном столике все так же лежал разбитый богемский хрусталь. Красное вино — дорогое «Саперави», которое я выбирала с такой заботой, — растеклось по светлой столешнице из ясеня. Древесина жадно впитала влагу, и на месте лужи образовалось темное, бесформенное пятно, похожее на запекающуюся кровь. Я провела пальцем по краю треснувшего бокала. Тонкое стекло, ручная огранка. Мой отец привез этот набор из Праги тридцать лет назад. Он пережил три переезда, смену эпох и десятки семейных праздников, но не пережил «кошечку» Антона.

Брезгливость, острая и холодная, как хирургический скальпель, снова полоснула меня по нутру. Я не могла просто стоять. В ювелирном салоне, когда клиент случайно роняет витринное стекло или пачкает бархат подложки, мы не ждем утра. Мы убираем немедленно, чтобы ни одна соринка не напоминала о несовершенстве момента.

Я отправилась на кухню. Мои движения были автоматическими, лишёнными лишней суеты. Синдром отличницы, будь он проклят, всегда включал во мне режим робота в моменты катастроф. Под раковиной в идеальном порядке стояли бутылки с чистящими средствами. Я выбрала самую мощную «химию» — профессиональный концентрат с хлором. Тот, который обычно используют для дезинфекции операционных или туалетов в общественных местах. Сегодня он был мне необходим для гостиной.

Вернувшись, я натянула резиновые перчатки. Желтый латекс неприятно стянул запястья. Первым делом — бокалы. Я собрала осколки, не жалея даже те фужеры, что остались целы. Весь набор полетел в черный мешок. Туда же отправилась салфетка, расшитая бисером, которую успела заляпать вином эта девица.

Потом была очередь спальни.

Переступив порог комнаты, я замерла. В воздухе здесь пахло еще хуже. К парфюму добавился запах пота и чужого, торжествующего бесстыдства. Подушки были разбросаны, покрывало сбито в ком. Мой взгляд упал на прикроватную тумбочку, где стояло наше свадебное фото в серебряной рамке. Антон на нем улыбался — искренне, как мне тогда казалось. А сейчас рамка лежала лицом вниз, словно её специально опрокинули, чтобы не мешала «процессу».

Я подошла к кровати. Руки в перчатках дрожали, но я заставила себя схватиться за край пододеяльника. Это было физически больно — касаться ткани, на которой еще час назад

кувыркался человек, которого я называла мужем. Я не собиралась это стирать. Никакая температура, никакой самый дорогой порошок не смогли бы вытравить из этих волокон ощущение предательства.

Я вышла в коридор, достала из кладовки огромные портновские ножницы — наследство от бабушки-швеи. Тяжелая сталь, идеально наточенные лезвия. Вернувшись в спальню, я начала резать.

Хруст разрываемой ткани разрезал тишину квартиры, как выстрел. Я кромсала простыни, наволочки, пододеяльник. Резала методично, на узкие ленты, вкладывая в каждый взмах ножниц всю ту ярость, которую не позволила себе выплеснуть в лицо Антону. Это не была истерика. Это была деконструкция лжи. Кот Арчибальд сидел в дверном проеме, внимательно наблюдая за мной. Его хвост ритмично постукивал по паркету, словно он отсчитывал такт моей мести.

Когда с бельем было покончено, и оно превратилось в грудку тряпья, я принялась за матрас. Я залила его дезинфицирующим составом так густо, что по комнате поплыл белесый туман. Это был мой личный экзорцизм. Каждая капля хлора должна была вытравить саму память о том, что здесь происходило. Я терла спинку кровати, ножки, ламели — всё, к чему могли прикасаться их потные, жадные руки.

Затем я перешла на пол. В «сталинках» паркет — это живое существо. Он дышит, он помнит шаги, он впитывает энергетику. Я поливала его водой, не боясь, что дерево вздуется. Пусть вздувается. Пусть трещит. Я вымывала каждый миллиметр, каждую щелочку, словно пыталась содрать с квартиры слой старой, гнилой кожи. Мышцы спины начали ныть, руки в перчатках горели, но я не останавливалась. В голове пульсировала одна единственная мысль: «Чисто. Должно быть стерильно. Никаких следов».

Я терла пол в прихожей, когда мой взгляд упал на пуфик. Там, где еще недавно валялась куртка Аниты, теперь была идеальная пустота. Кот Арчибальд подошел и сел рядом, его тяжелый хвост ритмично бил по мокрому полу. «Mr-paw?» — вопросительно прогудел он. Его рыжая морда выражала крайнюю степень недоумения. Для него мир тоже перевернулся, но он, в отличие от меня, уже принял новые правила игры.

— Еще немного, Арчи, — выдохнула я, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. — Еще совсем немного.

Когда с влажной уборкой было покончено, я обессиленно опустилась на пуфик прямо в мокрых перчатках. В квартире пахло как в процедурном кабинете. Глаза щипало от паров хлора, но зато сладкий аромат сахарной ваты наконец-то исчез. Вместе с ним исчезла и та Люция, которая еще утром выбирала торт и верила в «трудный период» у мужа.

Я вспомнила про планшет.

Медленно, словно это была не электроника, а заряженная мина, я подошла к комоду в прихожей. Мои руки, освобожденные от резинового плена, всё еще дрожали. Я открыла верхний ящик. Под ворохом моих шелковых шарфов — коллекционных, дорогих, которые я покупала годами как маленькое вознаграждение за терпение — лежал холодный черный прямоугольник. Планшет Антона.

Я достала его. Гладкое стекло сохранило отпечатки пальцев. Его пальцев. Я знала пароль — четырнадцать-ноль-пять. Дата нашей свадьбы. Какая безвкусная, вопиющая ирония. Человек, который превратил нашу жизнь в помойку, использовал день начала этой жизни как ключ к своим тайнам.

Экран вспыхнул холодным голубоватым светом. Уведомления посыпались одно за другим, стоило устройству поймать домашний Wi-Fi. Я не хотела читать. Честное слово, во мне еще жила та глупая, порядочная женщина, которая считает чтение чужих переписок верхом падения. Но эта женщина только что выкинула голого мужа в подъезд. Она умерла. А новая

Люция Фиалкова, ювелирный консультант с ледяным взглядом, должна была оценить размер ущерба.

Я открыла мессенджер.

Контакт «Анита Киса» висел в самом топе. Сообщения были датированы сегодняшним днем, вчерашним, позавчерашним... На протяжении последних четырех месяцев мой муж вел двойную жизнь с интенсивностью, которой можно было бы позавидовать.

«Пупсик, я выбрала кольцо в вашем "Эстете". Ну то, с сапфирами. Ты же обещал на годовщину нашего знакомства...»

«Котик, на ноготочки не хватает, скинь десяточку, чмоки».

«Твоя клуша опять на смене? Жду тебя, хвостик причесала ;)».

Я читала это, и внутри меня что-то окончательно каменело. «Клуша». Так он называл меня за моей спиной. Меня, которая оплачивала его кредиты, которая вытягивала его из депрессий, которая следила, чтобы у него всегда были свежесжатый сок и идеально наглаженные воротнички.

Но сообщения от Аниты были лишь цветочками. Настоящая бездна разверзлась, когда я зашла в банковское приложение. Антон никогда не умел пользоваться паролями, у него на всё стояло одно и то же «1405».

Я открыла вкладку кредитных карт.

Воздуха в легких внезапно стало не хватать. У Антона была дополнительная карта, привязанная к моему основному счету. Тому самому, на который я откладывала проценты с крупных сделок, планируя наш будущий отпуск или, если повезет, досрочное погашение кредита за машину.

Счет был практически пуст.

Три месяца назад — списание в пятьдесят тысяч. Ресторан «Облака». Я в этот день ела гречку на кухне, радуясь, что сэкономила на обеде.

Два месяца назад — сто двадцать тысяч. Ювелирный бутик (не наш, конкурентов). Видимо, то самое кольцо для «кисы».

Месяц назад — серия мелких переводов на карту некой Аниты Л.

И вишенка на торте — три уведомления от микрофинансовых организаций. «Уважаемый Антон Владимирович, напоминаем о необходимости внесения платежа по займу "Быстрые деньги"».

Я смотрела на эти цифры, и перед глазами всплывали мои старые сапоги, которые я собиралась нести в ремонт на следующей неделе. Вспомнился косметолог, к которому я так и не записалась, решив, что «сейчас не время, у Антона кризис».

Кризис. О да. Это был кризис моей безграничной, идиотской доверчивости.

Я закрыла приложение. Руки теперь не дрожали. Они стали холодными, как у покойника. Масштаб финансовой ямы, которую этот «непризнанный гений» вырыл под моими ногами, впечатлял. Он не просто мне изменял. Он меня обкрадывал. Систематически, цинично, пользуясь тем, что я никогда не проверяла выписки, полностью доверяя его нытью о «непредвиденных расходах на стартап».

Мой взгляд переместился на тумбочку в прихожей. Там всё еще лежал бархатный футляр с швейцарскими часами. Пятьсот тысяч рублей. Полгода моей жизни. Полгода сверхурочных смен, пропущенных выходных и отказа от элементарных радостей.

Я взяла коробку в руки. Тяжелое темное дерево, золотое тиснение логотипа. Я открыла крышку. Механика внутри мерно тикала. «Тик-так, тик-так». Это был звук уходящего времени. Каждая секунда стоила денег. Каждая секунда напоминала мне о том, какой дурой я была.

— Нет, Арчи, — сказала я вслух. — Эти часы он не получит.

Я вынула часы из подушечки и примерила на свое запястье. Они были мужскими, тяжелыми, явно великоватыми для моей тонкой руки, но холод стали на коже подействовал отрезвляюще. Это был мой капитал. Мой залог. Моя страховка от того безумия, которое Антон оставил мне в наследство вместе с долгами.

Я вернула часы в футляр и спрятала его в сейф, встроенный в стену за зеркалом. Антон никогда не знал кода. Он считал, что там лежат мои рабочие документы и старое золото от бабушки. Пусть и дальше так считает.

В прихожей зазвонил мой телефон. Я вздрогнула. На экране высветился номер подруги — Лидочки.

Я посмотрела на время. Почти полночь. Лида, как истинный косметолог и по совместительству мой личный психотерапевт, обладала звериным чутьем на чужие катастрофы.

— Да, Лид, — ответила я, стараясь, чтобы голос не сорвался.

— Люська? Ты почему таким голосом разговариваешь? У вас там что, фарфоровая свадьба переросла в фарфоровое побоище? — голос подруги был бодрым, но в нем проскальзывала тревога.

Я посмотрела на свои идеально чистые полы, на пустую спальню без постельного белья и на кота, который грыз угол коробки от планшета.

— Лид... я его выгнала. Голого. Вместе с девкой.

В трубке повисла тишина. Такая долгая, что я успела услышать, как на улице проехала машина, разбрызгивая лужи. А потом Лида выдала серию таких лингвистических конструкций, которым позавидовал бы портовый грузчик.

— Рассказывай. Всё. До последней шпильки, — приказала она, когда запас матерных слов иссяк.

И я рассказала. Сбивчиво, пропуская детали, но упоминая главное: красные туфли, мусоровоз, планшет и долги. Лида слушала, не перебивая, только периодически громко выдыхала в трубку.

— Значит так, — подытожила она, когда я закончила. — Завтра в девять утра я у тебя. Не смей пить успокоительные, они тормозят реакцию. Тебе сейчас нужна ясная голова. Ты в «Эстет» идешь?

— Иду. У меня завтра важный клиент. Дружков должен зайти за заказом.

— Правильно. Работа — лучший антисептик. А с долгами и этим козлом будем разбираться пошагово. И Люська... — Лида замолчала на секунду. — Ты крутая. Выкинуть его голышом — это уровень «Бог». Я всегда знала, что за твоим «синдромом отличницы» прячется настоящая валькирия.

Я положила трубку. Валькирия... Какое громкое слово для женщины, у которой болит спина от мытья полов и которая не знает, как завтра смотреть в глаза коллегам.

Я подошла к зеркалу в ванной. Сняла перчатки. Мои руки были красными от горячей воды и химии, кожа стянута. Я начала смывать макияж. Тщательно, слой за слоем, удаляя тушь, тени и тональный крем, который должен был делать меня идеальной для него.

Под слоем косметики обнаружилось бледное лицо с резкими тенями под глазами. Но взгляд... Взгляд изменился. В нем больше не было той мягкой, уступчивой теплоты, которую Антон принимал за слабость. Там поселился холод. Тот самый холод, который я видела в гранях хорошо ограненного алмаза.

Я взяла свой телефон и засунула под прозрачный чехол визитку Вадима Дружкова. Черный картон с золотым тиснением. «Безопасность и право». Раньше я думала, что это просто

пафос богатого клиента. Теперь я понимала, что это, возможно, мой единственный путь к спасению.

Я вышла из ванной и выключила свет. Квартира погрузилась в полумрак, освещаемая только фонарями с улицы.

Арчибальд уже устроился на диване в гостиной — единственном месте, которое я не успела залить хлоркой. Он смотрел на меня, ожидая своей порции ласки. Я села рядом, зарываясь пальцами в его густую рыжую шерсть. Кот замурчал — громко, настойчиво, заполняя этим звуком пустоту комнат.

— Завтра будет новый день, Арчи, — прошептала я в темноту. — «Эстет» не прощает красных глаз. А я больше не прощаю предательства.

Я не знала, смогу ли уснуть на голом матрасе, пахнущем дезинфекцией. Но я знала одно: в этой квартире больше не было ничего лишнего. Генеральная уборка была завершена.

В тишине гостиной вдруг отчетливо звякнул планшет Антона, оставленный на тумбочке. Пришло новое уведомление. Я не стала смотреть. Мне было уже всё равно, что напишет «Киса» или банк.

Я смотрела на свои руки — чистые, до боли натертые щеткой.

Двадцать лет.

Это был огромный срок. Но, как оказалось, достаточно одного вечера и ведра хлорки, чтобы понять: иногда свобода пахнет не цветами, а едким антисептиком. И этот запах был мне сейчас гораздо приятнее всех духов мира.

Я легла на диван, не раздеваясь. Свернулась калачиком рядом с Арчибальдом. В голове уже начал строиться план завтрашнего дня: инвентаризация счетов, визит к юристу, работа...

— Мы справимся, Арчи, — сказала я, закрывая глаза. — Мы обязательно справимся.

И это была последняя осознанная мысль перед тем, как тяжелая, свинцовая усталость наконец-то выключила сознание, погрузив меня в глубокий сон без сновидений. Сон женщины, которая впервые за много лет больше никому ничего не была должна. Кроме самой себя.

Глава 7. Маска «Все хорошо»

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — "Кузнецкий Мост"».

Металлический голос из динамика прозвучал как приговор, но я даже не вздрогнула. Я стояла, вцепившись в поручень вагона, и смотрела на свое отражение в темном стекле двери напротив. Там, в пляшущей черноте тоннеля, отражалась незнакомка. У нее было застывшее, фарфоровое лицо, на котором не читалось ровным счетом ничего: ни боли, ни бессонной ночи, проведенной на жестком диване, ни того факта, что ее банковский счет напоминает выжженную землю после бомбардировки.

Тональный крем Estée Lauder Double Wear — великое изобретение человечества. Сегодня я нанесла его в два слоя. Плотная, бархатистая текстура надежно укрыла серые тени под глазами и красные пятна, выступившие от нервного перенапряжения. Сверху — пудра, румяна, хайлайтер. Я рисовала это лицо сорок минут, как реставратор восстанавливает фреску, пострадавшую от сырости и времени.

Внутри меня все дрожало, вибрировало в такт стуку колес поезда. Перед глазами до сих пор стоял экран планшета Антона, который я изучала ночью. Цифры, цифры, цифры. Уведомления от МФО «Деньги мигом», просрочка по карте «Халва», долг на кредитке, о существовании которой я даже не подозревала. Мой муж, мой «непризнанный гений», не просто гулял на стороне. Он строил свою сладкую жизнь на фундаменте из моих денег и долговых обязательств.

Я поглубже спрятала нос в шарф. Меня тошнило. Физически мутило от осознания, что я — банкрот. Не юридически пока, но фактически. Я ехала на любимую работу, где продавала кольца стоимостью в квартиру, а сама пересчитывала в уме мелочь до аванса.

Поезд резко затормозил, и людская масса качнулась, прижимая меня к дверям. Чей-то локоть больно ткнулся мне в ребра.

— Поаккуратнее можно?! — взвизгнула тетка в пуховике рядом.

Я промолчала. Мне было все равно. Я была в броне. Мое пальто, моя сумка, моя идеально уложенная прическа — это был камуфляж. Если я сейчас позволю себе хоть одну живую эмоцию, хоть одну слезинку, этот фасад рухнет, и под ним обнаружится сорокадвухлетняя женщина, которая вчера выгнала мужа голышом в подъезд и теперь не знает, как платить за коммуналку.

Эскалатор вынес меня на поверхность. Центр Москвы встретил сырым ветром и запахом дорогого кофе из бесчисленных кофеен. Раньше я любила этот запах. Сегодня он напоминал мне о том, как Антон любил по утрам рассуждать о высоких материях, держа в руках чашку, сваренную мной.

Я дошла до знакомой тяжелой двери с золоченой вывеской «Эстет». Охранник Сергей, бывший военный с неизменно добрыми глазами, распахнул передо мной дверь.

— Доброе утро, Люция Владимировна! Прекрасно выглядите.

— Доброе, Сережа. Спасибо.

Ложь номер один. Галочка поставлена. Я прошла в торговый зал. Здесь царила тишина, нарушаемая лишь тихим гулом климатической системы и едва слышным джазом. Витрины сияли. Бриллианты, сапфиры, изумруды лежали на черном и бежевом бархате, холодные и равнодушные к людским страстям. Я любила их за это. Камни никогда не предают. Если в камне есть трещина, она видна сразу, нужно лишь взять лупу. Люди умеют скрывать свои дефекты годами.

— Люция Владимировна! Ну наконец-то!

Ко мне уже неслась Жанночка. Моя сменщица, молодая, восторженная, с вечно распахнутыми глазами олененка Бэмби. Сегодня она была особенно энергичной.

— Я уже вся извелась! — зашептала она, хватая меня за рукав и утаскивая в сторону подсобки. — Ну рассказывайте! Как прошло? Как Антон? Он упал в обморок от часов? Я вчера весь вечер представляла: свечи, вы в новом платье, он открывает коробку... Это же такая романтика! Двадцать лет!

Я почувствовала, как мышцы лица каменеют под слоем тонального крема. Жанна. Милая, глупая Жанна, которая видела в Антоне идеал мужчины, а в нас — образцовую пару. Если я сейчас скажу правду — «Я выкинула его в синих шлепках в подъезд, а часы лежат у меня в сейфе» — ее мир рухнет. А потом эта история станет достоянием всего коллектива, потом — сети, а там и до клиентов дойдет. «Эстет» не любит скандалов. Репутация консультанта должна быть безупречной, как и бриллианты, которые он продает.

Я улыбнулась. Уголки губ послушно поползли вверх.

— Это было... незабываемо, Жанночка, — произнесла я, и мой голос прозвучал ровно, даже с легкой хрипотцой, которую можно было принять за томность после бурной ночи. — Антон был просто потрясен. Он... он даже дар речи потерял.

В каком-то смысле это была чистая правда. Когда Арчибальд вцепился ему в бедро, дар речи он действительно утратил, перейдя на ультразвук.

— Ой, я так и знала! — Жанна всплеснула руками. — А часы? Подошли?

— Идеально. Как влитые. Знаешь, мы вчера многое переосмыслили. Решили... начать все с чистого листа. Избавиться от всего старого, лишнего. Обновить жизнь.

— Ремонт?! — ахнула Жанна. — Вы решили делать ремонт?

— Вроде того. Генеральную уборку души и пространства.

— Как же это здорово! — она мечтательно закатила глаза. — Вот бы мне найти такого мужчину, чтобы через двадцать лет такие страсти...

Я отвернулась к шкафику, делая вид, что переодеваю туфли. Руки дрожали так сильно, что я не могла попасть ногой в «рабочую» лодочку на шпильке. Ложь была липкой, противной. Она оставляла во рту привкус того самого хлорного средства, которым я вчера заливала квартиру. Но другого выхода не было. Я должна играть роль успешной женщины, у которой все под контролем. Иначе я просто не смогу работать. А работать надо.

— Ладно, Жанн, пойдем в зал. У нас сегодня инвентаризация по третьей витрине, помнишь?

— Да-да, конечно! — она упорхнула в зал, напевая что-то веселое.

Я выдохнула, расправила плечи, поправила бейдж «Люция Фиалкова. Старший консультант» и шагнула в сверкающий мир роскоши.

Первые два часа прошли как в тумане. Я действовала на автомате: доставала планшеты, сверяла артикулы, протирала стекло специальной салфеткой из микрофибры. Мозг работал отдельно от тела. Он лихорадочно подсчитывал: если продать машину (которая все еще числится на мне, слава богу), хватит ли этого, чтобы закрыть его кредиты? А если не закрывать? Но карты-то на мое имя. Черт, какая же я дура. Какая феерическая, дипломированная идиотка.

— Добрый день.

Глубокий, спокойный мужской голос вывел меня из транса. Я вздрогнула, едва не уронив бархатную подушечку с кольцами.

У витрины стоял Вадим Дружков.

В прошлый раз, когда он приходил выбирать подарок, я отметила его сдержанность. Сегодня, на фоне моего внутреннего хаоса, он казался монолитом. Темно-синее пальто расстегнуто, под ним — серый костюм, явно сшитый на заказ, но без кричащих брендов. Никаких золотых цепей, никаких перстней. Только часы на запястье — дорогие, но строгие.

Он смотрел на меня. Не на витрину, не на бейдж, а прямо в глаза. И в этом взгляде было что-то такое... сканирующее.

— Здравствуйте, Вадим Петрович, — я натянула профессиональную улыбку номер четыре («Радущие и компетентность»). — Рада вас видеть. Вы за заказом?

— Да, Люция Владимировна. Пришло уведомление, что цепочка готова.

— Конечно, сейчас.

Я подошла к сейфу, набрала код. Пальцы скользили по кнопкам. Сердце колотилось где-то в горле. Почему я так нервничаю? Это просто клиент. Просто заказ. Соберись, тряпка.

Я достала футляр с готовым изделием. Это была сложная работа — плетение «Бисмарк», но облегченное, с алмазной гранью. Золото 585 пробы, классика. Подарок для его матери.

Я вернулась к витрине и положила футляр перед ним.

— Прошу вас. Можете проверить качество замка и плетения.

Вадим открыл коробочку. Золото сверкнуло под лампами галогенной подсветки.

— Выглядит отлично, — кивнул он. — Именно то, что нужно. Мама не любит современные вычурные вещи.

— Классика всегда в цене, — ответила я дежурной фразой.

Мне нужно было достать документы на оформление и гарантийный талон. Я потянулась к стойке за фирменной ручкой «Эстет» — тяжелой, металлической, с логотипом.

И тут меня накрыло.

Внезапная вспышка воспоминания: голый Антон в синих шлепках, прижимающий к животу подушку. Его перекошенное лицо. И следом — цифра долга в полмиллиона на экране планшета.

Моя рука дернулась. Пальцы разжались. Тяжелая ручка выскользнула и с глухим стуком ударилась о стекло витрины, отскочила и покатилась по полу.

Дзынь-клац.

Звук в тишине салона прозвучал как выстрел.

Жанна, которая обслуживала пару в другом конце зала, удивленно оглянулась. Люция Владимировна никогда ничего не роняла. Люция Владимировна была эталоном координации.

Я замерла, чувствуя, как краска заливает шею.

— Ох, простите... — пробормотала я, наклоняясь, чтобы поднять ручку.

Голова закружилась. Я ухватила за край прилавка, чтобы не упасть. Подняв ручку, я выпрямилась и встретила взглядом с Вадимом. Моя маска треснула. Штукатурка осыпалась. Сейчас он видел не «старшего консультанта», а перепуганную женщину с дрожащими руками.

— Люция Владимировна, — тихо произнес он. — Вы бледны. Вам воды?

— Нет-нет, все в порядке, — я попыталась рассмеяться, но вышел жалкий всхлип. — Просто... слишком много кофе с утра. Давление, наверное. Погода меняется.

Я начала суетливо заполнять гарантийный талон. Буквы плясали. Ручка скользила по глянцева бумаге, оставляя неровный след.

Вадим молчал. Он наблюдал за моими судорожными движениями. Потом он медленно перевел взгляд на Жанну, которая с любопытством вытягивала шею в нашу сторону.

— Девушка, — обратился он к ней, не повышая голоса, но так, что Жанна тут же вытянулась в струнку. — Будьте любезны, принесите стакан воды. Теплой. Не холодной.

— Конечно! Сию минуту! — Жанна метнулась к кулеру.

Мы остались одни у витрины. Вадим чуть наклонился вперед, опираясь локтями о стекло, сокращая дистанцию, но не нарушая личных границ.

— Люция, — сказал он, отбросив отчество. — Я не знаю, что у вас случилось. И не буду спрашивать. Но у вас вид бойца, который только что вышел из окружения. Контуженного, но живого.

Я замерла с ручкой в руке. Слезы, горячие и злые, подступили к самому горлу. Мне так хотелось сейчас кому-то все рассказать. Вывалить эту грязь, поплакаться, услышать, что я не дура, что все поправимо. Но я не могла. Я закусила губу, чтобы сдержать дрожь подбородка.

— Это... личное, Вадим Петрович. Простите за непрофессионализм.

— Бросьте. Профессионализм — это умение делать свою работу, даже когда мир рушится. Вы справляетесь. — Он сделал паузу, глядя на то, как я упаковываю футляр в фирменный пакет. — Вы нашли мою визитку?

Я подняла на него глаза.

— Что?

— Вчера. Я оставил визитку. Вы положили ее... кажется, в сумку.

Я вспомнила. Черный картон с золотом на тумбочке в прихожей, поверх часов, которые так и не достались Антону. Я действительно переложила ее утром в карман пальто, сама не зная зачем. Как талисман.

— Да. Нашла.

— Там, на обороте, есть номер. Написан от руки. Это мой личный, не рабочий.

Жанна уже шла к нам со стаканом воды, стараясь не расплескать. Вадим говорил быстро, но четко.

— Люция, вы прекрасно разбираетесь в каратах и огранке. Но иногда проблемы бывают... не ювелирного характера. Если вам понадобится помощь не с камнями, а с людьми. Или с обстоятельствами. Или с юридической казуистикой... Позвоните. Я серьезно.

Он выпрямился, когда Жанна поставила стакан на прилавок.

— Спасибо, — кивнул он ей. — Ну что ж, документы готовы?

— Д-да, — я протянула ему пакет и чек. — Спасибо за покупку. Носите с удовольствием... то есть, пусть мама носит.

— Обязательно передам.

Он забрал пакет. Его пальцы на секунду коснулись моей руки — сухие, теплые, уверенные. Это касание было коротким, но оно словно передало мне часть его спокойствия. Заземлило.

— До свидания, Люция Владимировна. Берегите себя.

Он развернулся и пошел к выходу. Уверенная походка, прямая спина. Дверь за ним мягко закрылась, отсекая шум улицы.

Я стояла, глядя ему вслед. В руке я все еще сжимала ручку, которой только что подписывала гарантию. Внутри было странное чувство. Смесь стыда за свою слабость и... надежды? Нет, это слишком громкое слово. Скорее, ощущение, что в темной комнате на секунду приоткрыли дверь, и оттуда потянуло свежим воздухом.

— Какой мужчина! — выдохнула Жанна над моим ухом. — И ведь холостой, я узнавала! Люция Владимировна, он так на вас смотрел... Прямо сканировал! А что он вам шептал?

Я сделала глоток воды. Она была теплой, безвкусной, но помогла смыть ком в горле.

— Ничего особенного, Жанна. Жаловался на пробки.

Я поставила стакан и сунула руку в карман форменного платья. Пальцы нащупали плотный картон визитки. «Вадим Дружков. Безопасность и право».

И в этот момент карман завибрировал.

Резко, требовательно.

Я вздрогнула. Это был не мягкий гудок сообщения, а настойчивый вызов.

Я медленно достала телефон. На экране высветился незнакомый номер.

Интуиция, то самое шестое чувство, которое дремало во мне двадцать лет, сейчас взвыло сиреной воздушной тревоги. Я знала, кто это. Я чувствовала это кожей.

Антон.

Со своим телефоном он безвозвратно попрощался. Значит, он нашел другой способ. Выпросил у прохожего, звонит с рабочего или еще как-то.

Я посмотрела на входную дверь, за которой скрылся Вадим. Там была безопасность. Там был мир сильных мужчин, которые решают проблемы, а не создают их.

Потом я посмотрела на экран. Там было мое прошлое. Грязное, липкое, требующее расплаты.

«Ну что ж, — подумала я, чувствуя, как внутри снова поднимается холодная, злая волна. — Маска приклеилась намертво. Пора начинать второй акт».

Я провела пальцем по экрану, принимая вызов.

— Слушаю.

Глава 8. Телефонный терроризм

— Алло? Кто это? — Голос в трубке был незнакомым, мужским, но интонации, с которыми были произнесены эти два коротких слова, заставили меня напрячься. Словно кто-то провел наждачной бумагой по стеклу.

— Я слушаю, — повторила я, хотя пальцы, сжимающие смартфон, уже побелели. Интуиция, дремавшая годами под слоем бытового комфорта, теперь орала сиреной.

— Ну здравствуй, «королева», — раздалось в ответ, и маска вежливости слетела мгновенно. Это был Антон. Голос звучал глухо, с металлическим эхом, будто он говорил из бочки или с громкой связи дешевого аппарата. — Что, не ожидала? Думала, выкинула меня, как дражный носок, и всё? Зажила новой жизнью?

Я сделала глубокий вдох. Воздух в торговом зале «Эстета», пропитанный ароматами дорогих духов и кондиционированной прохладой, вдруг показался мне спертым. Я отвернулась от витрины, за которой только что скрылась спина Вадима, и шагнула в тень колонны, подальше от любопытных ушей Жанны.

— Антон, — произнесла я, стараясь, чтобы мой тон оставался таким же ровным, как поверхность полированного агата. — Я думала, мы вчера всё обсудили. У тебя было время на монолог. Пока ты спускался по лестнице.

— Обсудили?! — Он взвизгнул, сорвавшись на фальцет. — Ты называешь это «обсудили»? Ты выставила меня голым! На мороз! Ты хоть понимаешь, что ты натворила? Я сейчас звоню с телефона охранника в бизнес-центре, потому что мой айфон, мой рабочий инструмент, остался у тебя!

— Твой айфон, — медленно проговорила я, смакуя каждое слово, — был утилизирован в ходе санитарной обработки помещения. Вместе с твоим достоинством и красными туфлями твоей... ассистентки.

На том конце провода повисла тяжелая пауза. Я слышала, как он тяжело, со свистом дышит.

— Ты врешь, — наконец выдохнул он, но уверенности в его голосе поубавилось. — Ты не могла выбросить технику. Ты же жадная. Ты всё спрятала. Слушай меня внимательно, Люция. Мне плевать на тряпки. Но часы. Те часы, что лежали на тумбочке. Я видел коробку. Это «Longines», я узнал логотип. Ты купила их мне. Это подарок. А значит — моя собственность.

Меня передернуло. Не от страха, а от омерзения. Человек, который вчера предал меня самым гнусным образом, который привел в нашу постель девицу с интеллектом хлебного мякиша, сейчас торговался за подарок, который даже не успел получить.

— Это были часы для моего мужа, Антон, — ответила я. — Для человека, с которым я прожила двадцать лет. А того существа, которое вчера визжало в подъезде, прикрываясь подушкой, я не знаю. У тебя нет прав на эти часы. Как нет прав на эту квартиру, на мою жизнь и на мои нервы.

— Ах ты стерва... — зашипел он. — Да ты больная! Ты слышишь меня? Тебе лечиться надо! У тебя климакс в голову ударил? Истеричка! Ты разрушила семью из-за пустяка! Из-за одной ошибки! Все мужики гуляют, все! Но нормальные жены делают вид, что не замечают, берегут очаг! А ты? Ты устроила цирк! Позорище!

Его слова лились потоком грязи, пытаюсь заполнить собой всё пространство. Газлайтинг в чистом виде. Классика жанра. «Ты сама виновата», «тебе показалось», «ты неадекватна». Я слушала и чувствовала, как внутри, где-то в районе солнечного сплетения, начинает дрожать туго натянутая струна.

— Антон, — перебила я его поток сознания. — Если ты еще раз позвонишь мне или появишься на горизонте, я подам заявление о преследовании. И поверь, у меня теперь есть отличный консультант по вопросам безопасности.

— Кто?? — хохотнул он, и в этом смехе было столько яда, что можно было отравить небольшую реку. — Да кому ты нужна, Люська? Старая, скучная, правильная училка с ювелирным уклоном. Посмотри на себя в зеркало! Ты же моль! Я давал тебе статус замужней женщины, я тебя терпел! Верни часы и планшет, иначе я...

Я нажала на красный кружок отбоя. Экран погас, отсекая этот голос, но ощущение липкой грязи осталось. Я стояла, прислонившись спиной к прохладной поверхности колонны, и чувствовала, как мелко трясутся руки.

«Больная». «Истеричка». «Моль».

Эти слова, как маленькие рыболовные крючки, впивались в подсознание. Двадцать лет я строила из себя идеальную жену. Гладила, стирала, готовила, улыбалась, поддерживала. И всё это, оказывается, было лишь фоном для его великого терпения? Он меня терпел?

Мне нужно было спрятаться. Срочно.

Я почти бегом направилась в подсобку. Хорошо, что в зале не было клиентов. Жанна проводила меня удивленным взглядом, но, увидев мое лицо, промолчала.

За дверью служебного помещения я, наконец, выдохнула. Здесь пахло пылью, старой бумагой и растворимым кофе — запах реальности, который немного приводил в чувства. Я подошла к маленькому зеркалу над раковиной.

Из стекла на меня смотрела женщина с безупречным макияжем. Тональный крем лежал ровно, ни одной слезинки не пробило оборону. Но глаза... В них плескался такой животный ужас, смешанный с болью, что мне стало страшно самой себя.

— Соберись, Фиалкова, — прошептала я своему отражению. — Ты не моль. Ты — старший консультант. Ты — хозяйка своей жизни.

Дверь приоткрылась, и в подсобку просунулась голова Жанны.

— Люция Владимировна? — ее голос звучал настороженно. — Всё в порядке? Вы так побледнели... Это был... он?

Жанна знала лишь версию «лайт» — про романтический вечер, переросший в «пересмысление». Она не знала про голый зад в подъезде и про то, что мой муж — патологический лжец и, возможно, вор.

Я включила холодную воду, подставила запястья под струю. Ледяной холод немного унял дрожь.

— Нет, Жанночка. Это был спам. Реклама кредитов, представляешь? — я вымученно улыбнулась, вытирая руки бумажным полотенцем. — Настойчивые такие. И голос неприятный.

— Ой, и не говорите! — Жанна облегченно выдохнула, заходя в комнату целиком. — Мне тоже постоянно называют. То стоматология, то «службы безопасности банка». Совсем совести у людей нет. А я вам кофе сделала! С корицей, как вы любите. Подумала, вам нужно взбодриться после... ну, после вчерашнего праздника.

Она протянула мне дымящуюся чашку. В её глазах светилось искреннее, щенячье обожание. Для неё я всё еще была образцом успешной женщины.

— Спасибо, милая. Ты чудо.

Я сделала глоток. Горячая жидкость обожгла горло, прогоняя ком, застрявший там после разговора с Антоном. Я поправила выбившуюся прядь волос, одернула форменный пиджак. Маска «все хорошо» снова приросла к лицу, скрывая под собой кровоточащие раны.

— Пойдем работать, Жанна. У нас еще инвентаризация не закончена. Витрина с бриллиантами сама себя не посчитает.

— Идемте! — она радостно кивнула. — Кстати, тот мужчина, Вадим Петрович... Он такой галантный! Сказал, что ваша мама будет в восторге от цепочки. Ой, то есть его мама... Ну вы поняли!

Я кивнула, пропуская её вперед. Вадим. Его визитка жгла карман, но я запретила себе думать о ней. Сейчас мне нужно было просто пережить этот день.

Дорога домой прошла как в тумане. Я ехала в метро, механически переставляя ноги на эскалаторах, механически прикладывая проездной. Город вокруг шумел, жил своей жизнью, но я была отделена от него невидимой стеной вакуума.

Подходя к своему подъезду, я невольно подняла голову. Окна моей квартиры на третьем этаже были темными. Черные провалы на фоне серого бетонного фасада. Раньше там всегда горел свет — Антон не любил экономить электричество, оставляя включенными лампы во всех комнатах, даже если сидел в туалете. «Уютно же, Люся!» — говорил он.

Теперь там было темно. И тихо.

Я открыла дверь подъезда. Знакомый запах старого дома — сырость подвала, жареная картошка от соседей, чьи-то духи. Я поднялась на третий этаж, стараясь не смотреть на то место на площадке, где вчера стоял мой муж с бисерной подушкой. Но воображение предательски рисовало картинку: вот здесь он жался к стене, вот здесь Анита роняла крокодиловы слезы.

Ключ повернулся в замке мягко. Я шагнула в квартиру.

Тишина ударила по ушам, как взрывная волна.

Обычно меня встречал звук работающего телевизора — Антон всегда включал какие-то новости или спортивные каналы для фона. Или шум воды. Или его голос: «Люся, ты? А что на ужин?».

Сегодня меня встретило только гудение холодильника и слабый, едва уловимый запах хлорки, который не выветрился даже за сутки проветривания. Этот запах чистоты теперь казался запахом морга. Стерильно. Пусто. Холодно.

Я включила свет в прихожей. Щелчок выключателя прозвучал неестественно громко.

На пуфике не было его куртки. На полке не было его ключей. На вешалке висело только мое пальто и плащ. Словно Антона никогда и не существовало. Словно двадцать лет жизни были просто затянувшимся сном, галлюцинацией, которая развеялась от запаха дезинфекции.

Я скинула туфли, даже не наклоняясь, просто стряхнула их с ног. Ноги гудели, но эта боль была привычной, фоновой. А вот то, что творилось в душе, пугало по-настоящему.

Адреналин, который держал меня в тонусе последние сутки — ярость, решимость, зло-радство — ушел. На смену ему пришел серый, липкий откат.

Я прошла в гостиную и, не зажигая верхнего света, опустилась на диван. Тот самый диван, который я вчера драила с остервенением маньяка. Я сидела в темноте, обхватив себя руками за плечи, и раскачивалась из стороны в сторону.

Сорок два года.

Цифра пульсировала в голове неоновой вывеской. Сорок два. Детей нет. Мужа нет. Денег нет. Есть только квартира, пропахшая хлоркой, и чувство тотального, всепоглощающего одиночества.

«Ты разрушила семью из-за пустяка», — всплыл в памяти голос Антона.

А может, он прав? Может, я действительно истеричка? Ну, подумаешь, изменил. Многие прощают. Живут ради... ради чего? Ради того, чтобы не приходиться в пустую квартиру? Ради того, чтобы было кому подать стакан воды в старости, даже если этот кто-то будет делать это с недовольным лицом?

Страх, иррациональный, липкий, начал заползать под кожу. А что, если я останусь одна навсегда? Что, если Вадим — это просто случайный эпизод, вежливость богатого клиента, а я

уже нафантазировала себе Бог знает что? Я ведь обычная. Уставшая. С морщинками в уголках глаз, которые не скроет никакой хайлайтер.

Я всхлипнула. Первый раз за эти сутки. Один короткий, жалкий звук в темноте пустой квартиры.

— Мяу! — раздалось совсем рядом, требовательно и громко.

Я вздрогнула.

Из темноты вынырнул Арчибальд. Его глаза светились зелеными фонарями. Он запрыгнул на диван, но не стал ластиться или утешать. Он прошелся по мне тяжелыми лапами, наступая прямо на живот, и уперся мокрым носом мне в подбородок.

— Mr-paw! — повторил он уже с явной претензией.

— Арчи... — прошептала я, протягивая руку, чтобы погладить его. — Мне так плохо, Арчи. Мы одни.

Кот фыркнул. Мои душевные терзания его, очевидно, не впечатлили. Он был прагматиком. Ему нужна была еда, чистый лоток и стабильность. А хозяйка, размазывающая сопли в темноте, в концепцию стабильности не вписывалась.

Он боднул меня головой, требуя внимания, а когда я снова погрузилась в свои мысли, сделал то, чего не делал уже очень давно.

Кусь.

Острые зубы чувствительно прихватили мою щиколотку через тонкий капрон колготок. Не до крови, но достаточно сильно, чтобы вызвать боль.

— Ай! — я дернулась, инстинктивно поджав ногу. — Ты что творишь?! Больно же!

Арчибальд сел напротив, обвив лапы хвостом, и посмотрел на меня с выражением абсолютного превосходства. В его взгляде читалось: «Хватит ныть, женщина. Вставай и делай дело. И покорми меня, наконец».

Боль отрезвила. Она переключила тумблер в голове. Физическое ощущение оказалось сильнее фантомных страхов.

Я посмотрела на кота. Наглый, рыжий, самоуверенный зверь. Он не страдал от отсутствия Антона. Наоборот, он казался даже довольным тем, что территория освободилась от конкурента.

— Ты прав, — сказала я вслух, и мой голос в тишине прозвучал уже тверже. — Ты абсолютно прав, меховая ты морда. Жалеть предателя — это удел слабых. А я не слабая. Я просто голодная и уставшая.

Я встала с дивана. Нога в месте укуса горела огнем, но это было приятное напоминание о том, что я жива. Я прошла на кухню, включила свет. Яркие лампы разогнали тени по углам. Насыпала Арчибальду полную миску корма. Хруст сухариков стал самой лучшей музыкой.

Мой взгляд упал на комод в прихожей, который было видно из кухни.

Там, в верхнем ящике, лежал планшет. Тот самый, который Антон требовал вернуть с такой истеричной настойчивостью.

«Верни часы и планшет, иначе я...» — звучало у меня в ушах.

Почему он так вцепился в этот планшет? Ну ладно, там переписки с Анитой, позорные фото, это понятно. Но он говорил про часы. Про деньги. Он кричал так, будто от этого зависела его жизнь.

Я вспомнила вчерашние уведомления. МФО. Банки. Кредитки. Я видела только верхушку айсберга, мельком, пока искала компромат на измену. Но я не вникала в цифры. Я была слишком занята уборкой и местью.

А зря.

Если он так боится, что я увижу содержимое его «цифровой экосистемы», значит, там есть что-то пострашнее фоток голых девиц.

Я подошла к комоду. Открыла ящик. Черный прямоугольник лежал там, где я его оставила — под шелковым шарфом с принтом Густава Климта «Поцелуй».

Я взяла планшет в руки. Он был холодным и тяжелым.

— Ну что ж, Антоша, — прошептала я, чувствуя, как внутри снова просыпается холодная расчетливая ярость, вытесняя страх одиночества. — Раз ты так просишь вернуть вещи, давай сначала посмотрим, во сколько ты оценил мою жизнь.

Я нажала кнопку включения. Экран ожил. Пароль был всё тот же — 1405.

Арчибальд, похрустев кормом, зашел в прихожую и сел рядом, словно охраняя меня во время этой опасной операции.

Я нажала иконку банковского приложения. Палец завис над строкой «История операций».

Глава 9. Финансовая яма

Четырнадцать, ноль, пять.

Цифры, которые я набирала на сенсорном экране планшета, казались мне не кодом доступа, а координатами места крушения. Датой, когда «Титаник» моей жизни торжественно отчалил от пристани, чтобы спустя двадцать лет налететь на айсберг по имени Анита.

Экран разблокировался с тихим, приветливым щелчком. Яркие иконки приложений рябили в глазах, но меня интересовала только одна папка. Та, которую Антон пафосно именовал «Центр управления полетами». В ней он хранил всё: от банковских клиентов до приложений для инвестиций, в которых, как я подозревала, он разбирался не лучше, чем свинья в апельсинах.

Я глубоко вдохнула спертый воздух квартиры. Пахло хлоркой и моим одиночеством. Арчибальд, сидящий на краю комода, внимательно следил за движением моего пальца, словно я собиралась обезвредить бомбу.

В каком-то смысле так оно и было.

Я нажала на иконку банка. Желтый логотип мигнул и развернулся на весь экран. Вход по отпечатку пальца не сработал — планшет не узнал меня, — но я знала пин-код приложения. Всё те же 1405. Антон был патологически ленив даже в вопросах кибербезопасности.

Приложение загрузилось.

Первое, что бросилось в глаза — это общий баланс. Красные цифры. Минус.

Я моргнула, надеясь, что это ошибка загрузки или сбой интернета. Но цифры не изменились, они горели на экране тревожным маяком. Я перешла на вкладку «Карты».

У Антона была основная зарплатная карта (на которую, по его словам, приходили «копейки», и которую он прятал от меня — сейчас там было сто двенадцать рублей) и дополнительная кредитная, привязанная к моему счету. Эту карту я оформила на него три года назад, когда он ныл, что ему неудобно каждый раз просить у меня деньги на бензин и бизнес-ланчи.

— Люся, это унижительно для мужчины! — говорил он тогда, картинно заламывая руки. — Дай мне доступ к семейному бюджету, я буду тратить только на самое необходимое. Продукты, заправка, аптека. Ты же мне доверяешь?

Я, наивная дурочка с синдромом отличницы, тогда поверила. Дала. Лимит по карте был внушительным — триста тысяч рублей. Моя подушка безопасности, мой «неприкосновенный запас» на случай болезни или увольнения, который я берегла как зеницу ока.

Сейчас на счету этой карты значилось: «Доступно: 36 рублей 40 копеек».

Кредитный лимит был вычерпан до дна.

— Триста тысяч... — прошептала я. Голос дрогнул и сорвался, превратившись в сиплый хрип. — Куда?

Я нажала «История операций».

Список транзакций развернулся длинной, бесконечной лентой позора. Я листала её, и с каждой строчкой мои волосы на затылке шевелились всё активнее. Здесь не было супермаркетов «Пятерочка». Здесь не было заправок «Газпромнефть» или аптек «Горздрав». Зато здесь была красивая жизнь, о которой я читала только в глянцевых журналах, которые мы продавали в зоне ожидания «Эстета» для скучающих жен олигархов.

12 октября. Ресторан «More & More». Списание: 14 800 рублей.

Я закрыла глаза, вспоминая 12 октября. Это была пятница. Антон позвонил мне в шесть вечера и усталым, мученическим голосом сказал, что у него «стратегическая сессия перед квартальным отчетом», и он задержится до ночи. Я тогда пожалела его. Приготовила диетические паровые котлеты из индейки, потому что у него, бедняжки, обострился гастрит от нервов. Я ела эти котлеты одна, глядя в выключенный телевизор, и думала, какой он трудоголик.

А он в это время жрал устрицы и запивал их белым вином в компании своей «кошечки». За мой счет. Моими деньгами, которые я откладывала на черный день.

5 октября. Бутик нижнего белья «Дикая Орхидея». Списание: 28 500 рублей.

Двадцать восемь тысяч. За трусы и лифчик.

Я невольно посмотрела на свои ноги. На мне были старые домашние легинсы, купленные на распродаже в масс-маркете за пятьсот рублей, уже слегка растянутые на коленях. Я сэкономила на себе с маниакальным упорством, откладывая каждую копейку на те проклятые швейцарские часы. Я отказала себе в курсе биоревитализации, на который меня уговаривала Лида, именно в начале октября. «Потерплю, — думала я, разглядывая морщинки в зеркале. — Зато Антону подарок сделаю достойный».

Я сэкономила двадцать тысяч на своем лице, чтобы он потратил двадцать восемь на кружева для чужой задницы.

Меня замутило. Физически, до спазма в желудке. Это было не просто предательство. Это было воровство. Циничное, наглое обкрадывание той, кто обеспечивала ему тыл, быт и чистые рубашки.

Я листала дальше, и передо мной открывалась панорама его лжи, выложенная банковскими чеками.

20 сентября. Park Hotel & Spa «Solnechniy». Оплата номера и услуг: 42 000 рублей.

Те самые выходные, когда он уехал «помогать маме чинить крышу на даче». Я еще передала ему банку домашнего лечо и теплые носки для свекрови. Интересно, они с Анитой жрали это лечо в джакузи? Или он выбросил его в первой же урне по дороге в спа?

Цветы. Такси «Комфорт+» (он никогда не ездил на экономе, «не по статусу»). Доставка еды из «Тануки» по ночам. Подписки на онлайн-кинотеатры, которыми мы не пользовались.

Он выпотрошил мою кредитку подчистую.

Я вышла из банковского приложения. Руки тряслись так, что планшет едва не выпал из пальцев на кафельный пол. Мне нужно было знать больше. Если он так легко тратил мои деньги, что творилось с его собственными?

Я открыла почту.

Папка «Входящие» была забита письмами с кричащими заголовками, от которых рябило в глазах.

«Уважаемый Антон Владимирович! Ваша заявка на займ одобрена! Деньги уже на карте!» — ООО МФК «Займер».

«Напоминаем о просроченной задолженности! Срочно оплатите!» — «ДеньгиМигом».

«Последнее предупреждение перед передачей дела коллекторам! Выездная группа готовится к визиту» — «БыстроДеньги».

— Цифровая экосистема... — выдохнула я с горькой усмешкой.

Вот она, его экосистема. Пирамида из долгов. Он брал один микрозайм, чтобы погасить проценты по другому, а остаток спускал на пыль в глаза Аните. Он строил из себя успешного бизнесмена, богатого папика, будучи нищим клерком, живущим в долг под 365% годовых.

Я открыла одно из писем от МФО. Сумма долга — пятьдесят тысяч. Проценты капали каждый день. Я быстро проверила другие письма. Еще тридцать. Еще сорок. И еще один займ на сто тысяч, взятый буквально неделю назад. Видимо, на подарок к их «годовщине», о которой писала Анита в мессенджере.

Но самый страшный удар ждал меня не в почте, а в приложении «Госуслуги».

Туда я зашла почти случайно, по инерции, пытаясь оценить полный масштаб катастрофы. Пароль, разумеется, был всё тот же — день нашей свадьбы.

Раздел «Автоштрафы и задолженности».

Красный восклицательный знак горел напротив иконки автомобиля. Нашего черного кроссовера, который был оформлен на меня, потому что у Антона была испорчена кредитная история еще до свадьбы из-за какого-то студенческого кредита на айфон.

Кредитный договор №... Просроченная задолженность: 3 месяца.

Сумма к оплате для выхода из просрочки: 89 000 рублей.

— Твою же мать... — я сползла по стене на пуфик. Ноги отказались держать.

Он не платил за машину. Три месяца. Девяносто дней! Он клялся, бил себя пяткой в грудь, что автокредит — это его зона ответственности. Что он гасит его с премий, чтобы я не волновалась.

«Почему мне не звонили из банка?» — пронеслась паническая мысль. Ведь я заемщик! И тут меня озарило.

Я вспомнила разговор годичной давности. Мы сидели на кухне, пили чай, и Антон, с заботливым видом помешивая сахар, сказал: «Люся, слушай, мне на работе неудобно, когда тебе звонят из банка по поводу машины. Давай я в приложении изменю контактный номер на свой? Зачем тебе этот лишний спам? Я плачу, я и буду общаться с менеджерами, если что».

И я согласилась. «Конечно, милый, как тебе удобнее».

Господи, какая же я идиотка. Какая феерическая, дипломированная дура! Он всё продумал. Он перевел стрелки на себя, чтобы банк три месяца бомбил звонками его телефон, а он просто сбрасывал или вешал лапшу на уши операторам, пока я спала спокойно в неведении.

Премий не было. Были только долги.

И штрафы. Десятки неоплаченных штрафов. Превышение скорости. Выезд на выделенку. Неправильная парковка. Последний штраф был датирован вчерашним днем — три тысячи рублей за парковку на газоне у нашего подъезда. Тот самый криво поставленный автомобиль, который я увидела перед тем, как моя жизнь рухнула.

Я сидела в прихожей, освещенная только холодным светом экрана. В голове крутилась мысль: машина на мне. Кредитная карта на мне. Квартира — слава богу, наследство, но если начнут описывать имущество за долги по карте...

Во мне включился профессиональный режим. В «Эстете» мы часто проводим инвентаризацию. Считаем каждый камень, каждый грамм металла, ищем недостачу. Сверяем дебет с кредитом. Сейчас я проводила инвентаризацию своей разрушенной жизни.

Я встала и на негнущихся ногах пошла на кухню. Нашла блокнот, в который обычно записывала список покупок, и ручку.

Села за стол. Арчибальд запрыгнул на столешницу, но я даже не согнала его. Мне было нужно живое существо рядом, пусть даже такое, которому от меня требовалась только еда.

— Давай считать, Люция, — сказала я себе вслух. Мой голос звучал глухо, как из бочки.

Я начала писать, вдавливая ручку в бумагу.

Кредитная карта (мой долг, так как карта моя): 300 000 руб. + проценты, которые начнут капать, если не погасить в льготный период (который уже закончился, судя по датам трат).

Автокредит (долг банку): 89 000 (просрочка) + около 1,5 миллиона (тело кредита). И если не погасить просрочку, банк потребует вернуть всю сумму сразу или заберет машину. А машина сейчас у Антона. Или где она? У него же нет ключей! Я же выбросила их в мусоровоз! Значит, машина стоит где-то во дворе или на штрафстоянке, если её уже эвакуировали за парковку на газоне.

Микрозаймы (долг Антона, но мы в браке): Я быстро суммировала цифры из писем. Около 250 000 рублей. С их бешеными процентами через месяц это превратится в полмиллиона. И эти долги, как совместно нажитые в браке, могут попытаться повесить на меня при разводе.

Итого, только по срочным долгам, не считая тела автокредита, выходило около семисот тысяч рублей.

Семьсот тысяч.

Это была цена его измены. Цена моей слепоты.

Я посмотрела на цифру, обведенную жирной чертой. Бумага чуть порвалась под нажимом ручки.

У меня не было таких денег. Мои накопления — те самые полмиллиона на часы — лежали в сейфе. Но это были мои деньги! Мой каторжный труд! Мои больные ноги, мои нервы, мои некупленные сапоги!

Неужели я должна отдать всё это, чтобы закрыть дыры, которые он пробил в нашем бюджете ради своей шлюхи?

— Нет, — сказала я тихо, но твердо. — Ни копейки.

Планшет на столе коротко дзынькнул и засветился, вырывая меня из оцепенения.

Всплыло пуш-уведомление от банковского приложения.

«Покупка. Yandex Eats. Сумма: 1 250 руб. Недостаточно средств».

Я уставилась на сообщение.

Он был голоден. Мой голый, изгнанный король был голоден и пытался заказать себе поесть. Скорее всего, пиццу или суши. Видимо, нашел способ выйти в интернет — с компьютера друга или попросил у кого-то телефон, залогинился в свой аккаунт Яндекса, где была привязана моя карта.

Он даже не подумал, что я увижу. Или подумал, но ему было плевать. Он привык, что «мамочка Люся» платит. Что бездонная бочка с деньгами всегда открыта, даже если он плюнул в колодец.

Волна холодной, расчетливой ярости поднялась во мне, смывая остатки жалости и страха.

Я снова схватила планшет. Мои пальцы больше не дрожали. Они двигались с точностью хирурга, проводящего ампутацию гангренозной конечности, чтобы спасти остальной организм.

Я зашла в настройки карты.

Пункт «Блокировка».

— Причина блокировки? — вежливо поинтересовалось приложение.

— Утеряна, — прошептала я. — Утеряна совесть держателя.

Я нажала «Заблокировать». На экране появилась зеленая галочка. Карта превратилась в бесполезный кусок пластика.

Но этого было мало. Я знала, что он может попытаться восстановить доступ, позвонив в банк и представившись мной (кодовое слово он знал — девичья фамилия моей матери, как банально).

Мне нужно было отрезать его от мира полностью.

Я зашла в личный кабинет мобильного оператора. Антон всегда хвастался своим «красивым» номером, заканчивающимся на три семерки. Этот номер я ему подарила на день рождения пять лет назад. И, разумеется, сим-карта была оформлена на мой паспорт.

— «Номер принадлежит мне», — подумала я, глядя на строчку «Владелец: Фиалкова Л.В.». — Ну что ж, Антоша. Раз ты не в семье, то и корпоративная связь тебе больше не полагается.

Счет был привязан к моей карте автоплатежом.

Я отключила автоплатеж.

А затем зашла в раздел «Услуги» и нажала «Добровольная блокировка номера при утере SIM-карты».

Экран мигнул. «Услуга подключена».

Теперь у него не было не только еды, но и связи. Ни позвонить «кошечке», если они вдруг разбежались, ни вызвать такси, ни пожаловаться маме, ни зайти в онлайн-банк, чтобы подтвердить перевод. СМС с кодом подтверждения теперь просто не придет.

Он остался в цифровом вакууме. В той самой экосистеме, которую он так любил, только теперь воздух в ней перекрыли.

Я отложила планшет экраном вниз, словно закрыла крышку гроба.

Тишина на кухне стала звенящей. Холодильник гудел ровно, монотонно. За окном шумел ночной город — там люди спешили домой, ужинали, смеялись, обсуждали планы на выходные. А я сидела за кухонным столом, глядя на листок с цифрами, и понимала, что я — банкрот.

Не юридически пока. Но фактически.

Мой брак оказался финансовой пирамидой. Я вкладывала в него ресурсы, время, душу, а на выходе получила дырку от бублика и коллекторов на хвосте.

Меня накрыло.

Не истерикой, нет. Страшной, черной тоской. Ощущением собственной ничтожности и уязвимости.

Сорок два года. «Баба ягодка опять», как говорят пошлые открытки в Ватсапе. А на деле — баба-дура. Дипломированный специалист по самообману. У меня нет детей, нет мужа, нет подушки безопасности. Есть только долги и кот.

Как я могла не видеть? Как я могла не замечать эти эсэмэски, эти звонки, эти «потерянные» деньги? Я ведь работаю с бриллиантами! Я вижу микроскопические трещины в камнях, которые не видят другие! Почему я не увидела каньон лжи в собственном доме?

Потому что не хотела. Потому что мне было удобно верить в картинку «счастливой семьи». Потому что я боялась вот этого момента — сидеть одной на кухне и считать долги.

Страх липкими щупальцами пополз по спине.

Завтра начнутся звонки. Банки не будут ждать. МФО тем более. У машины есть собственник — я. У карты есть владелец — я. Для юридической системы Антона не существует. Есть только я и мои обязательства. И моя квартира, на которую они могут наложить арест.

Я обхватила голову руками, запустив пальцы в волосы. Идеальная укладка, которую я берегла весь день, окончательно распалась.

Мне нужно было кому-то позвонить.

Лида. Лидочка. Моя боевая подруга, которая умеет решать проблемы. Которая знает юристов, которая может дать в морду коллектору и напоить меня валерьянкой. Она не раз вытаскивала меня из депрессий.

Я взяла свой телефон. Разблокировала экран. Нашла контакт «Лида Косметолог».

Палец завис над зеленой трубкой вызова.

Я смотрела на улыбающееся фото подруги и не могла нажать.

Стыд.

Жгучий, невыносимый стыд перехватил горло. Как я скажу ей? Как я признаюсь Лиде, успешной, самостоятельной женщине, которая меняла мужиков как перчатки и всегда учила меня «любить себя», что я — полная идиотка? Что я содержала альфонса? Что я в долгах как в шелках, и даже машина, на которой я её возила, на самом деле в залоге у банка?

Она будет смеяться. Нет, Лида добрая, она не будет смеяться в лицо. Она будет жалеть. Смотреть на меня с той самой унижительной жалостью, с которой смотрят на побитую собаку или на деревенскую дурочку, которую обманул заезжий циркач. «Ну я же говорила, Люся... Он тебе не пара».

Я не могла этого вынести. Только не сегодня. Сегодня я хотела сохранить хотя бы иллюзию того, что я держу удар. Что я сильная. Что я — «валькирия», как она меня назвала.

Я заблокировала телефон и отложила его в сторону, экраном вниз.

— Мяу... — тихо, вопросительно произнес Арчибалд.

Кот спрыгнул со стола и подошел ко мне. Он потерся головой о мою ногу, а потом, чувствуя мое состояние, встал на задние лапы и положил передние мне на колени. Тяжелый, теплый, живой.

Он смотрел мне в глаза своим желтым, немигающим взглядом. В этом взгляде не было осуждения. Не было вопросов про деньги или про то, почему я такая дура.

— Мы в заднице, Арчи, — прошептала я, чувствуя, как по щеке всё-таки катится единственная, горькая слеза, прокладывая дорожку по тональному крему. — В полной, беспросветной финансовой заднице.

Кот лизнул мою руку шершавым языком.

Я сидела в темноте кухни, сжимая в руке листок с цифрами, который стал приговором моей прошлой жизни. И понимала, что эта ночь будет очень длинной. А утро может принести звонки с незнакомых номеров, от которых будет холодеть кровь.

Но звонить Лиде я не стала. Гордость — это всё, что у меня осталось. И я собиралась держаться за неё до последнего. Даже если эта гордость утянет меня на дно.

Глава 10. Военный совет с вином

Стекloreзный звук дверного звонка впился в виски, заставляя меня подскочить на диване. В голове загудело, а сердце, до этого едва лимфатически перекачивающее кровь в режиме глубокого анабиоза, забилося о ребра, как пойманная птица.

Я сидела в гостиной, так и не удосужившись снять рабочее платье, хотя за окном уже давно сгустились сизые московские сумерки. В квартире было темно, холодно и пахло хлоркой — так пахнет в больничных коридорах после санобработки, когда чистота кажется не уютом, а признаком недавней катастрофы.

Звонок повторился. Длинный, наглый, требовательный.

Я замерла, вжимаясь в диванную подушку. Первая мысль — Антон. Нашел одежду, занял у кого-то телефон, вызвал слесарей или просто решил взять измором. Вторая — кол-лекторы. Те самые, из «БыстроДенег», чьи уведомления я видела в его планшете. Перед глазами поплыли картинки из криминальных новостей: исписанные стены, залитые клеем замки, угрозы. Реальность просачивалась в мой стерильный мир, и я не была к этому готова.

Но из-за двери донесся не бас мужа и не угрожающее сопение вышибал.

— Фиалкова, я знаю, что ты там! — Голос Лиды прорезал стальное полотно двери так легко, будто она стояла прямо у меня в голове. — Если ты сейчас же не откроешь, я вызову МЧС. У меня в сумке десяток «неотвеченных» тебе, и моё личное «жопное чувство», которое орет, что ты в беде. Ты не берешь трубку второй день, Люська! Открывай, или я вышибу этот замок своей новой сумочкой!

Я выдохнула так громко, что Арчибальд, до этого сидевший в боевой стойке у двери, расслабленно мяукнул и начал намыывать лапу. Лидка. Моя Лидочка. Гроза всех морщин района и единственный человек, способный реанимировать меня, даже когда я превращаюсь в прах. Она была единственной, кто мог пробить мою броню «синдрома отличницы».

Я поднялась, чувствуя, как затекли ноги, и побрела в прихожую. Щелкнули замки. Дверь распахнулась, и в холодный вакуум моей крепости ворвался ураган по имени Лидия Ковалева.

Она выглядела как яркое пятно на черно-белом снимке: кашемировое пальто цвета фуксии, безупречная укладка, аромат дорогого селективного парфюма и два огромных бумажных пакета из гастронома, которые она тут же водрузила на тумбочку, едва не смахнув флакон моих духов.

— Так, — Лидка смерила меня взглядом опытного диагноста, не снимая солнечных очков в помещении. — Живая. Относительно. Хотя цвет лица — чистый мел. Тональный крем «Макс Фактор» восьмидесятого года выпуска смотрелся бы на тебе сейчас лучше, чем эта бледность. Почему телефон на беззвучном? Почему в квартире пахнет так, будто здесь травили крыс в промышленных масштабах?

— Я... я просто убиралась, — пробормотала я, щурясь от яркого света, который она тут же включила во всем коридоре.

— Убиралась она, — фыркнула подруга, скидывая туфли на шпильке. — Ты за два дня превратила уютное гнездышко в процедурный кабинет. Где этот твой... великий комбинатор? Почему в прихожей нет его кроссовок, которые обычно перегораживают проход как противотанковые ежи? И где его любимая вешалка с этими дурацкими пиджаками «я-будущий-миллионер»?

Я посмотрела на пустое место у стены. Горло перехватило.

— Его здесь больше нет, Лид. Совсем. Ни его пиджаков, ни его самого.

Лидка замерла с бутылкой вина в руках, которую она уже начала извлекать из пакета. Её глаза, скрытые за стеклами очков, наверняка сейчас округлились. Она медленно сняла очки.

— Люся, — тихо сказала она. — Только не говори мне, что ты его всё-таки придушила подушкой. Если так — скажи сразу, будем звонить моему бывшему, он адвокат по уголовке, скажем, что это была аффективная вспышка на почве бытового дебилизма.

— Нет, — я всхлипнула, чувствуя, как плотина, которую я возводила весь день, дает трещину. — Я его... я его голым выгнала. В подъезд. Вместе с девкой. В чем были — в том и пошли.

Лида медленно опустила бутылку на стол. Пауза длилась вечность, а потом кухня наполнилась таким оглушительным, искренним хохотом, что Арчибальд в испуге запрыгнул на холодильник. Лида смеялась до слез, до икоты, хватаясь за край тумбочки.

— Голым?! — выдавила она сквозь всхлипы. — Антошку? Нашего «цифрового экосистемщика»? Люська, скажи, что ты это сняла! Пожалуйста, скажи, что у тебя есть видео этого триумфа! Я готова купить этот ролик за любые деньги!

— Есть видео, — я вытерла глаза кулаком, чувствуя, как вместе со слезами уходит часть того свинцового ужаса. — Но он был не совсем голый. Он прикрывался подушкой. С бисером. Той самой, турецкой, которую я три года назад из отпуска тащила.

Лида снова зашлась в приступе смеха.

— Подушка! Стекларус против измены! Боже, я бы отдала годовую выручку салона, чтобы увидеть лицо бабы Мани, когда она это встретила в лифте. Так, — она резко оборвала смех и похлопала по пакету. — Анестезия. Немедленно. Иначе я умру от любопытства, а ты — от обезвоживания из-за этих своих попыток держать лицо. Марш на кухню, Фиалкова. Это приказ.

Через десять минут мы сидели на кухне. Лида по-хозяйски расставила бокалы, нарезала сыр и хамон, которые принесла с собой, и решительно наполнила бокалы. Я пила вино как лекарство — мелкими глотками, чувствуя, как по венам разливается тепло, разжижая ледяную корку внутри.

Я рассказала всё. Про красные шпильки у порога, про запах сахарной ваты, про стоны из нашей спальни. Про то, как я методично, без единого крика, собирала их тряпки в мусорный пакет. Про мусоровоз, который приехал так вовремя, будто его вызвала сама судьба.

Лида слушала, не перебивая, только периодически выдавая такие виртуозные ругательства в адрес Антона, что я даже на мгновение замирала от восхищения её лексиконом.

— Знаешь, — сказала она, когда я закончила описание сцены в аптеке и дефиле с подушкой. — Я всегда знала, что за твоим «синдромом отличницы» прячется настоящая валькирия. Ты не просто его выгнала, Люся. Ты совершила акт экзорцизма в масштабах отдельно взятой сталинки. Но почему ты молчала? Почему сидела тут в темноте, как привидение, и не отвечала на мои звонки? Я же места себе не находила.

Я опустила глаза, разглядывая ножки бокала.

— Стыдно было, Лид. Так стыдно, что дышать трудно. Двадцать лет. Я ведь думала, что у нас... ну, нормальная семья. Что он просто сложный, что у него очередной кризис поиска себя. А оказалось — я содержала альфонса, который за моей спиной называл меня «клушей» и спускал мои деньги на чужих кошечек. Я чувствовала себя такой... лохушкой. Понимаешь? Будто я сама позволила ему так со мной поступить.

Лида резко подалась вперед, накрыв мою руку своей — её ладонь была горячей и сухой.

— Люция Владимировна, посмотри на меня. Сейчас же.

Я подняла глаза.

— Стыдно должно быть тому, кто предал. Стыдно должно быть тому, кто крал, прикрываясь любовью. Ты просто верила. Ты строила свою жизнь на фундаменте честности, а то, что этот подонок подсунул туда гнилые доски — не твоя вина. Ты не лохушка. Ты — женщина, которая двадцать лет была верна своим принципам. А он — просто статистическая погрешность, которую мы сейчас сотрем ластиком. Поняла меня?

Она сделала паузу и кивнула на мой блокнот, который так и лежал на углу стола, исписанный моими ночными подсчетами.

— А теперь давай про самое неприятное. Про цифры. Я видела, как ты на него косилась. Показывай свой приговор. Будем делать дебет-кредит твоего освобождения.

Я нехотя пододвинула Лиде листок. Она взяла его, достала из сумочки очки в стильной оправе и углубилась в чтение. Чем дольше она читала, тем сильнее сжимались её губы. В какой-то момент она просто сняла очки и с силой потерла переносицу.

— Семьсот тысяч, — констатировала она. — Это только верхушка айсберга, Люся. Кредитка на триста, просрочка по автокредиту, микрозаймы... Этот парень не просто гулял. Он целенаправленно бурил скважину в твоём будущем.

— Пятьсот тысяч... — я кивнула в сторону прихожей. — Точнее, часы за пятьсот тысяч. Лежат в сейфе. Я сегодня смотрела на них и думала: какая ирония. У меня в руках капитал, за который можно закрыть половину долгов, но я не могу ими расплатиться в кассе банка. А нести их обратно в салон под прицел сплетен Жанночки... Лида, мне так жалко эту вещь! Я полгода на ногах стояла, я в туалет сходить боялась, когда жирные клиенты заходили, чтобы процент не потерять! И теперь я должна просто сдать их в ломбард за бесценок, чтобы закрыть дыры этого идиота?!

Лида решительно встала и водрузила торт «Графские развалины» в центр стола. Тот самый, который я купила для нашего несостоявшегося праздника. Она бесцеремонно сорвала ленту и швырнула две ложки прямо на крышку.

— В ломбард ты их не понесешь, там обберут. У меня есть клиентка, владелица сети комиссионнок люкс-класса, она заберет их с минимальной комиссией и выставит по нормальной цене. Или Вадиму своему предложи — таким мужикам всегда нужны статусные подарки для партнеров. Но это позже. Сейчас нам нужно спасти твой главный актив. Машину. Кроссовер стоит сколько? Миллиона три?

— Около того. Но автокредит оформлен на меня, Лид. И он просрочен на три месяца.

— Плевать. Машина оформлена на тебя. Ты — законный собственник. Антон — никто. Пыль на коврике. Где сейчас машина?

Я пожала плечами.

— Наверное, во дворе. Ключи я выбросила в мусоропровод вместе с его джинсами. Запасные были у него, но они, скорее всего, остались в кармане той самой куртки, которая уехала на свалку.

Лида хищно улыбнулась, и в этот момент она напомнила мне Арчибальда во время охоты на муху.

— То есть, у него нет ключей. И у тебя нет ключей. Но машина твоя. Значит так. Завтра же вызываем эвакуатор. Говорим, что ключи потеряны. Отвозим её к официалам, перепрошиваем замки, заказываем новые ключи. А потом — продаем её к чертям собачьим. Перекрываем автокредит полностью, закрываем твою кредитку и еще останется на твой курс биоревитализации, который я тебе сделаю со скидкой 50% в честь твоего второго рождения.

Я смотрела на Лиду, и в голове потихоньку начали расходиться тучи. План. У меня появился план. Не просто сидение в темноте и оплакивание судьбы, а конкретные, почти хирургические действия.

— А если он её заявит в угон? — спросила я. — У него же есть связи, он может...

— Заявит в угон собственную машину у собственной жены? — Лида фыркнула так громко, что Арчибальд на холодильнике вздрогнул. — Пусть попробует. Одно твоё заявление, что он пользовался твоим имуществом без разрешения — и наш «тигр» переезжает из подъезда в СИЗО. Ему сейчас не до угонов, Люся. Ему сейчас нужно найти, во что одеться и на что купить пачку сигарет. Ты же ему всё перекрыла. Он сейчас как мамонт в ледниковый период — большой, волосатый и обреченный на вымирание.

Лида подтолкнула ко мне коробку с тортом.

— Ешь. Это наши поминки по твоему браку. «Графские развалины» семьи Меньшиковых. Символично, правда? Разрушим это безе вместе.

Я взяла ложку. Сладкое, сухое безе хрустнуло на зубах, масляный крем, который я всегда считала слишком тяжелым, неожиданно показался мне на удивление уместным. Мы ели этот торт прямо из коробки, запивая вином, и это было самое правильное завершение самого кошмарного периода в моей жизни. Мы уничтожали символ моих двадцати лет терпения, кусок за куском.

Арчибальд, почуяв, что атмосфера на кухне сменилась с траурной на боевую, спрыгнул с холодильника и деликатно тронул Лиду лапой за колено. Она тут же отщипнула ему кусок дорогой колбасы.

— А, кстати, — Лида хитро прищурилась, её глаза блеснули в свете кухонной люстры. — Что там за «нормальный мужик» на горизонте? Жанночка мне сегодня в обед все уши прожужжала, что к тебе заходил какой-то Аполлон в синем пальто и вы с ним о чем-то многозначительно шептались. Она уже свадьбу тебе планирует.

Я почувствовала, как щеки обдало жаром, который не был связан с вином.

— Лида, это просто клиент. Вадим Петрович Дружков. У него охранный агентств. Он цепочку маме заказывал, очень серьезный человек.

— И что? Почему он на тебя смотрел так, будто ты — редчайший розовый бриллиант, который он мечтает заполучить в личную коллекцию? — Лида не унималась. — Жанна сказала, он тебе визитку оставил. Где она? Покажи подруге потенциального спасителя.

Я неохотно достала из кармана платья плотный черный картон с золотым тиснением.

— Вот. Сказал, если понадобится помощь не с украшениями, а с людьми...

Лида выхватила визитку, изучила её под лампой и присвистнула.

— Ого... «Безопасность и право». Дружков. Люся, ты хоть знаешь, кто это? Его фирма охраняет половину элитных поселков Подмосковья и кучу банков. Это не просто «нормальный мужик». Это тяжелая артиллерия, детка. И если он предложил помощь — бери её и не думай. Таким людям не отказывают из вежливости.

— Лида, я не могу, — я покачала бокалом, глядя на игру света в вине. — Мне стыдно. Прийти к такому человеку и сказать: «Здравствуйте, мой муж — козел и вор, помогите мне отобрать у него машину». Это... это как-то непрофессионально. Я ведь должна держать марку.

Лида закатила глаза так сильно, что мне показалось, она сейчас увидит затылок изнутри.

— Профессионально — это когда ты защищаешь себя и свое достоинство. Стыдно — это позволить Антону оставить тебя с долгами и разбитым корытом в сорок два года. Люся, Вадим увидел в тебе женщину в беде. Сильную женщину, которая держит лицо до последнего. Для таких мужчин это вызов. Дай ему эту возможность — почувствовать себя героем. Тебе всё равно нужен будет адвокат по разводу, а его люди — лучшие в городе.

Я промолчала, но визитку обратно в карман не убрала. Оставила на столе, рядом со списком долгов. Она казалась мне крошечным черным плотом в бушующем океане моих проблем.

— Ладно, — Лида решительно встала и потянулась, её суставы отчетливо хрустнули. — Время — полночь. Анестезия подействовала, план «Перехват» составлен. Сейчас мы идем спать. Я остаюсь у тебя, на диване в гостиной. Завтра суббота, у тебя законный выходной. С утра вызываем эвакуатор. И не вздумай ночью опять лезть в его планшет и рыдать над его переписками.

— Лид, спасибо тебе, — я подошла к ней и уткнулась лбом в её плечо, пахнущее кашемиром и уверенностью. — Если бы не ты... я бы, наверное, просто растворилась в этой тишине.

— Дура ты, Фиалкова, — Лида крепко обняла меня, похлопав по спине. — Ты же ювелир. Ты должна знать: чтобы алмаз стал бриллиантом, его нужно долго и больно гранить. Считай,

что Антон был просто очень грубым куском наждака, который помог тебе раскрыть истинный блеск. Теперь ты сияешь, хоть пока и от ярости.

Она включила на телефоне музыку. Какой-то старый, духоподъемный хит Глории Гейнор. Лида начала пританцовывать прямо на моей сверкающей чистотой кухне, размахивая ложкой с остатками крема.

— Давай, Люся! Пой! Это гимн всех бывших жен, которые вышли из ада с гордо поднятой головой! И Арчибальда подпевать заставь!

И я запела. Сначала тихо, почти шепотом, а потом всё громче, чувствуя, как внутри разрываются последние невидимые нити, связывавшие меня с образом «идеальной терпеливой жены». Мы пели на два голоса, путая слова, смеясь и приплясывая среди остатков торта и пустых бутылок, пока соседи не начали стучать по батарее.

В эту ночь я заснула не сразу. Но это была не та липкая бессонница прошлых ночей, когда в голове крутилось только одно «за что?». Я лежала в темноте, слушая мерное сопение Арчибальда в ногах и приглушенный храп Лиды из гостиной.

В голове больше не было хаоса. Там был четкий, выверенный список дел на завтра. Эвакуатор. Звонок юристу. Магазин.

Я вспомнила Антона. Его искаженное яростью лицо в подъезде. Его нелепую подушку, которая должна была защитить его от позора. Странно, но я больше не чувствовала ни ненависти, ни боли. Только легкую, почти прозрачную брезгливость, как если бы я случайно наткнулась на кучу мусора в чистом лесу.

«Подаvisь ты своей "экосистемой", Антоша», — подумала я, закрывая глаза. — «Сезон охоты официально открыт. И в этот раз я не буду стоять за прилавком и ждать, пока меня выберут. Я выберу себя сама».

Глава 11. Осада крепости

— Смазывать механизм нужно хотя бы раз в полгода, хозяйка, — пробасил слесарь, сдувая металлическую стружку с дверного полотна. — А то ставят дорожные сейфовые замки, а ухода за ними ноль. Внутри пыль скапливается, ригели клинит. Вот ваш бывший секрет уже на ладан дышал.

Пронзительный визг дрели, вгрызающейся в металл, заставил меня поморщиться, но в сложившихся обстоятельствах этот звук казался мне прекрасной симфонией безопасности.

— Теперь буду смазывать, обещаю, — ответила я, прихлебывая остывший кофе из кружки. — Главное, чтобы новые ключи ни к одному старому дубликату не подошли.

— Обижаете. Тут сувальдный механизм четвертого класса защиты, плюс итальянская цилиндровая вставка. Снаружи без родного ключа только болгаркой резать, и то соседи быстрее полицию вызовут, чем вор внутрь попадет. Принимайте работу.

Мастер, плотный мужчина в синем комбинезоне, вытер руки ветошью и протянул мне связку. Пять тяжелых, блестящих ключей с затейливой перфорацией легли на мою ладонь, обжигая холодом. Я расписалась в квитанции, перевела оплату на карту и проводила слесаря. Старые ключи, сиротливо лежавшие на тумбочке, отправились напрямик в мусорное ведро под раковиной. Туда им и дорога.

Утро субботы выдалось на удивление продуктивным, хотя проснулась я с ощущением, будто меня переехал асфальтоукладчик. Вино, выпитое ночью с Лидой, сняло острый стресс, но оставило после себя тяжесть в затылке. Впрочем, раскисать мне не дали. Лида, эта неутомимая фурия в кашемировом пальто, подняла меня в восемь утра. Пока я пыталась сфокусировать зрение на кофеварке, она уже висела на телефоне, раздавая указания.

План «Перехват» был запущен без промедлений. Эвакуатор приехал во двор ровно в девять. Я, закутавшись в теплый кардиган, спустилась вниз только для того, чтобы подписать доверенность и показать документы на машину. Черный кроссовер, из-за которого я не спала полгода, переживая за платежи, благополучно погрузили на платформу. Лида лично сопровождала его в дилерский центр, пообещав проконтролировать замену электронных блоков и прошивку новых ключей. «Я с их менеджера живого не слезу, Фиалкова, не дрейфь. К вечеру тачка будет как новая и полностью недосыгаема для твоего голозадого макака», — заявила она перед отъездом, чмокнув меня в щеку.

И вот теперь, когда дверь была надежно заперта на новые замки, я осталась одна. Запах хлорки, так раздражавший меня вчера, наконец-то выветрился, уступив место аромату молотой арабики. Квартира снова становилась моей. Только моей.

Я прошла на кухню, сполоснула чашку и включила ноутбук, чтобы еще раз, на свежую голову, проверить все банковские выписки, которые успела переслать себе с антоновского планшета. Цифры не изменились. Семьсот тысяч долгов всё так же смотрели на меня с экрана, требуя решительных действий.

Тихий, едва различимый металлический скрежет заставил меня оторвать взгляд от монитора.

Звук доносился из прихожей. Кто-то ковырялся в замочной скважине. «Шкряб-шкряб. Клец». Металл царапал металл, безуспешно пытаясь найти нужные пазы.

Сердце пропустило удар и тут же пустилось в галоп. Я отставила чашку так резко, что остатки воды выплеснулись на столешницу. На цыпочках, стараясь не наступать на стыки паркета, которые могли предательски скрипнуть, я двинулась в коридор. Арчибальд, дремавший на пуфике, мгновенно проснулся, спрыгнул на пол и выгнул спину, шерсть на его загривке встала дыбом.

Я прильнула к холодному глазку.

Линза «рыбьего глаза» искажала пространство лестничной клетки, но человека по ту сторону двери я бы узнала даже в крошечной тьме. Антон.

Где-то он раздобыл запасной ключ. Точно, у свекрови лежал комплект «на всякий пожарный», о котором я в суматохе совершенно забыла. Антон стоял, сгорбившись, и остервенело пихал старый ключ в новую итальянскую личинку. Выглядел мой пока еще законный супруг карикатурно. Вместо брендовых джинсов и кашемировых водолазок, подчеркивающих статус «будущего миллионера», на нем красовались серые спортивные штаны. Причем штаны были явно чужие — вытянутые на коленях и слишком длинные, собирающиеся гармошкой у щиколоток. Видимо, Валерка Друзь выдал ему самое старое барахло, которое не жалко было пожертвовать погорельцу. Сверху на Антоне болталась нелепая дутая куртка цвета хаки, делающая его похожим на растерянного подростка-переростка.

Ключ в очередной раз застрял на половине пути. Антон дернул ручку. Закрыто. Он отстранился от двери, и я увидела, как его лицо стремительно наливается дурной, свекольной краской. Понимание того, что его обхитрили, доходило до него с задержкой, но когда дошло — рвануло знатно.

— Люся! — заорал он дурным голосом, ударив кулаком по стальному полотну. Звук гулким эхом разлетелся по подъезду. — Люся, открой сейчас же! Я знаю, что ты там! Машины во дворе нет! Ты что натворила, дура?!

Я отшатнулась от двери, прижав ладони к губам. Инстинкты, вбитые в меня за двадцать лет брака, тут же подняли голову. Рефлекс «хорошей девочки», которая до смерти боится скандалов, косых взглядов соседей и публичного позора, требовал немедленно открыть, впустить, успокоить, сгладить углы. «Только бы никто не услышал», — забилась в голове паническая мысль. Рука сама потянулась к вертушку замка.

Но взгляд упал на кухонный стол, где лежал листок с моими ночными подсчетами. Триста тысяч по кредитке. Отели, устрицы, кружевное белье для Аниты.

Пальцы замерли в миллиметре от холодного металла. Нет. Хватит.

Антон перешел в наступление. Он начал колотить в дверь обеими руками, а затем пнул ее ногой, обутой в растоптанный кроссовок.

— Открывай, сука! — в его голосе прорезались истеричные, визгливые нотки. — Это мой дом! Я здесь двадцать лет прожил! Ты не имеешь права вышвыривать меня как собаку! У меня там документы! У меня там вещи!

Щелкнул замок в соседней квартире. Я снова прикинула к глазку.

На лестничную площадку, шаркая тапочками и кутаясь в пуховую шаль, вышла баба Маня. Ее лицо выражало крайнюю степень возмущения, готового обрушиться на нарушителя спокойствия.

— Меньшиков? Ты чего тут расшумелся, оглашенный? — строго спросила соседка, упирая руки в бока. — Суббота на дворе, люди отдыхают! Опять нажрался, что ли? Ишь, вырядился как чучело огородное!

И тут произошло то, от чего меня едва не вытошнило прямо на коврик в прихожей. Как только Антон увидел зрителя, его тактика изменилась по щелчку пальцев. Ярость испарилась, плечи поникли, а лицо приняло выражение великомученика, несправедливо распятого на кресте женского коварства.

— Марья Ивановна... — голос Антона дрогнул, в нем появились слезливые, бархатные интонации. — Да если бы я пил! Беда у нас, Марья Ивановна. Кризис в семье. Повздорили вчера из-за пустяка, слово за слово... А Люська, представляете, с катушек слетела. Замки с утра пораньше сменила! На мороз меня гонит! Я ведь двадцать лет на эту квартиру горбатился, всё в дом нес, здоровье на работе оставил, чтобы она как сыр в масле каталась. А у нее гормоны скачут, или климакс в голову ударил — не пойму! Ни копейки денег не дала, даже куртку нормальную не отдала!

Я стояла по ту сторону двери, замерев от потрясения. Какая феноменальная, бесстыдная наглость. «Здоровье он оставил». «Как сыр в масле». Да он последние пять лет ни за один счет за коммуналку не заплатил! Жил на всем готовом, жрал стейки из мраморной говядины, пока я сэкономила на новых колготках, таскал мои деньги на свои микрозаймы, а теперь стоит там, в этих убогих чужих трениках, и смеет изображать из себя жертву репрессий!

— Ну дела-а-а... — протянула Марья Ивановна, с явным сомнением оглядывая этого «погорельца». Вчерашний голый позор, видимо, как-то померк в ее старческой памяти на фоне сегодняшней драмы. — Так ты ж вчера с девкой какой-то по этажам скакал, я сама видела! В полотенце розовом!

— Какая девка, баб Мань?! — возмущенно и на редкость искренне взвыл Антон. — Это курьерша была! Доставку принесла, мы в дверях столкнулись, а Люська приревновала на пустом месте, истерику закатила! Вы же меня с пеленок знаете, я разве способен на подлость?! Да я всю зарплату в дом, всё в дом! А она меня без штанов выкинула!

Горячая, пульсирующая волна гнева ударила мне в голову. Пальцы до боли сжались в кулаки, ногти впились в ладони. Как же мне захотелось распахнуть эту чертову стальную дверь. Выскочить на лестничную клетку, вцепиться ему в лицо и выкрикнуть всю правду. Ткнуть его носом в распечатки банковских счетов, рассказать про красные шпильки, про запах сахарной ваты в нашей спальне, про долг в семьсот тысяч! Мне хотелось, чтобы баба Маня, чтобы весь дом узнал, какое он ничтожество.

Я сделала шаг к замку.

Но вдруг перед внутренним взором всплыло лицо Лиды, когда мы вчера пили вино. «Оправдываться — удел слабых, Люся. Играть по его правилам на публике — значит признать, что он имеет право на этот цирк».

Я замерла, тяжело дыша. Открывать дверь нельзя. Лестничная клетка — это его сцена, его стихия манипуляций. Если я выйду, я превращусь в ту самую истеричную бабу, которой он меня выставляет. Я буду кричать, плакать, срывать голос, а он будет стоять с несчастным видом и пожимать плечами: «Смотрите, люди добрые, совсем баба рехнулась».

Я резко отшатнулась от глазка. Спина выпрямилась, словно вдоль позвоночника вставили стальной стержень. Дыхание выровнялось.

Я прошла на кухню, взяла со стола смартфон и, глядя на лежащую рядом визитку Вадима, уверенно набрала 112. Гудки казались неестественно громкими в повисшей тишине квартиры, прерываемой лишь глухими ударами в мою входную дверь — баба Маня, видимо, ушла к себе, и Антон возобновил штурм.

— Служба спасения, оператор сто пятнадцать, слушаю вас, — раздался в трубке ровный женский голос.

— Здравствуйте, — произнесла я, и с удивлением отметила, что мой голос звучит абсолютно сухо и по-деловому. Как будто я оформляю гарантийный талон на бриллианты в «Эстете». — Мне нужен наряд полиции. По адресу улица Академика Королева, дом... В мою квартиру ломится неизвестный, ведет себя крайне агрессивно, угрожает выбить дверь.

— Кем вам приходится данный гражданин? — уточнила диспетчер под мерный стук клавиатуры.

— Бывший сожитель, — чеканя каждое слово, ответила я. Термин «муж» застрял бы у меня в горле.

— Он зарегистрирован по данному адресу? Является собственником?

— Нет. Я единственный собственник, квартира досталась мне по наследству. Он здесь не прописан и не имеет никаких прав находиться на территории. Пожалуйста, поторопитесь, он наносит повреждения имуществу.

— Вызов принят. Ожидайте наряд. К двери не подходите, в контакт не вступайте.

Я сбросила вызов и положила телефон на стол. Арчибалд, внимательно наблюдавший за мной с высоты холодильника, одобрительно муркнул.

Следующие пятнадцать минут тянулись как густая, вязкая смола. Антон то затихал, тяжело дыша под дверью, то снова начинал дергать ручку и материться сквозь зубы. Я стояла в прихожей, прислонившись плечом к стене, и слушала эту агонию поверженного альфонса. Страх исчез окончательно. На его месте расцвело ледяное, кристально чистое презрение.

Наконец в подъезде хлопнула тяжелая входная дверь, и послышались размеренные, тяжелые шаги. Скрипнули ступени. Я бесшумно прильнула к глазку.

На площадку поднялись двое полицейских в полной экипировке. Один из них, молодой сержант с планшетом в руках, сразу направился к Антону.

— Добрый день. Гражданин, что здесь происходит? Поступил сигнал о хулиганских действиях и попытке проникновения в жилище.

Антон дернулся, словно его ударили током. Спесь слетела с него мгновенно, сменившись суетливой подобострастностью. Он замахал руками, пытаясь придать своему нелепому наряду хоть каплю солидности.

— Ребята, командиры, какое проникновение?! Это моя квартира! То есть... мы с женой тут живем! Двадцать лет в браке! Мы просто повздорили, у нее ПМС, нервы сдали. Закрылась изнутри и не пускает, а мне на работу надо!

— Документы ваши можно? — невозмутимо перебил его второй полицейский, постарше, с усталым лицом человека, который видел сотню таких кухонных вояк.

Антон судорожно хлопнул себя по карманам безразмерной куртки, потом по бедрам, обтянутым чужими трениками. На его лице отразилась неподдельная, почти комичная паника.

— Мужики, да паспорт мой там! В квартире! — он ткнул пальцем в мою новую дверь, словно она была главным доказательством его правоты. — В джинсах остался, когда я... когда мы поругались. Она специально меня выгнала без документов, чтобы потом полицией пугать! Пробейте по базе, Меньшиков Антон Владимирович! Жена — Фиалкова Люция. Мы в законном браке!

«Твой паспорт, Антоша, сейчас прессуют вместе с гнилыми помидорами на полигоне твердых бытовых отходов», — мстительно подумала я, не отрываясь от глазка.

Сержант пару раз тапнул по экрану своего служебного планшета, сверяя данные, и медленно поднял глаза на Антона.

— Допустим, — протянул он ровным тоном. — Брак зарегистрирован. А право собственности на данную жилплощадь у вас имеется? Или регистрация по месту жительства?

Антон замялся. Весь его гонор начал сдуваться, как проколотый воздушный шарик. Он переступил с ноги на ногу в своих стоптанных кроссовках.

— Ну... квартира ей от бабки досталась. И прописана она одна. Но мы же семья! Это совместно нажитое имущество, я в ремонт вкладывался, я тут каждую плитку своими руками вымерял...

— Значит так, гражданин Меньшиков, — жестко, с металлом в голосе оборвал его старший наряда. — Имущественные споры, вложения в ремонт и раздел унитазов решаются в гражданско-правовом порядке. Через суд. А вы сейчас находитесь в месте общего пользования, нарушаете покой граждан в выходной день, портите чужую дверь и не имеете при себе документов, удостоверяющих личность.

— Да вы не понимаете... Она же меня обокрала!

— Я всё прекрасно понимаю. Либо вы сейчас добровольно и тихо покидаете лестничную клетку и идете к юристам писать исковое заявление, либо мы оформляем вас за мелкое хулиганство, неповиновение законным требованиям и везем в отдел до выяснения личности. А там, глядишь, и пятнадцать суток нарисуеться. Выбирайте.

Антон попятился. Он всегда был трусом, когда дело доходило до столкновения с реальной, непреодолимой силой. Одно дело — изводить жену психологическими манипуляциями в уютной кухне, и совсем другое — пререкаться с двумя вооруженными сотрудниками полиции, которым глубоко плевать на его тонкую душевную организацию.

Его лицо перекосило от бессильной злобы. Поняв, что спектакль окончен, а зрители в виде бабы Мани давно скрылись за своими дверями, он сделал последний, жалкий выпад.

Антон шагнул к двери и вперил немигающий взгляд прямо в дверной глазок. Он знал, что я стою там. Он чувствовал это кожей.

— Ты еще пожалеешь, — прошипел он сквозь зубы, и в его покрасневших, воспаленных глазах мелькнула абсолютно искренняя, неприкрытая ненависть.

— Я раздену тебя в суде. Ты у меня на улице останешься, Люська. Без штанов пушу по миру, попомни мое слово!

— Разговоры закончили, — сержант тяжело вздохнул и решительно взял Антона за локоть, разворачивая к лестнице. — Шагаем, гражданин потерпевший. К адвокатам, в ЖЭК, в Гагскую трибунал — куда хотите, но подальше от этой двери.

Они начали спускаться. Я слушала, как шарканье стоптанных кроссовок Антона сливается с тяжелым, форменным шагом патрульных. На втором этаже кто-то из соседей попытался приоткрыть дверь, но полицейский гаркнул: «Граждане, всё в порядке, расходимся», и щеколда торопливо лязгнула обратно.

Наконец внизу, на первом этаже, гулко и тяжело хлопнула подъездная дверь.

Я медленно выдохнула. Задержанный в легких воздух вышел со свистом, и только сейчас я поняла, что всё это время стояла, вцепившись побелевшими пальцами в холодный металл дверной ручки. Дрожь, которую я так старательно подавляла последние полчаса, всё-таки прорвалась наружу — мелкая, противная, она била по коленям и заставляла стучать зубы.

Ноги окончательно ослабли, и я бессильно опустила на мягкий пуфик в прихожей.

В подъезде воцарилась идеальная, звенящая тишина. Физическая осада была снята. Моя сталинская крепость выстояла, не сдав ни пяди своей территории. Антон ушел ни с чем.

Арчибальд, поняв, что концерт окончен, грациозно спрыгнул с холодильника на кухню, неслышно подошел ко мне и положил тяжелую морду мне на колено. Я механически начала гладить его по жесткой рыжей шерсти. Кот замурчал, успокаивая мой сбившийся пульс.

Казалось бы, можно радоваться. Я победила в этой локальной стычке. Но слова Антона, брошенные им напоследок через глазок, повисли в воздухе тяжелым, невидимым топором.

«Я раздену тебя в суде».

Иллюзий у меня не было. Антон был трусом в прямой конфронтации, но когда дело касалось чужих денег и возможности выехать на чужом горбу, он превращался в расчетливого, изворотливого паразита. Он не простит мне ни вчерашнего голого дефиле, ни сегодняшнего унижения перед полицией. Он попытается откусить половину всего, что я создавала годами.

Я посмотрела на свою новую, массивную входную дверь с хитрыми итальянскими замками. Она была безупречна. Она отлично защищала от истеричного, озлобленного мужика в чужих трениках.

Но она была абсолютно бесполезна против судебных приставов. Она не остановит хладнокровных адвокатов, которые придут делить мои квадратные метры. Она не защитит от коллекторов из микрофинансовых организаций, которые рано или поздно начнут обрывать мне телефон, требуя вернуть долги за кружевные трусы для Аниты.

Я перевела взгляд в сторону кухни. Там, на столе, в лучах бледного субботнего солнца лежал мой блокнот, испещренный пугающими цифрами. Семьсот тысяч рублей. И это только то, что лежало на поверхности.

А рядом с блокнотом лежал маленький прямоугольник плотного черного картона.

Золотое тиснение ловило свет, складываясь в строгие буквы: «Безопасность и право. Вадим Дружков».

Мой бумажный щит.

Еще вчера вечером мне было стыдно даже думать о том, чтобы позвонить этому respectable, уверенному в себе мужчине и вывалить на него ушат своих грязных семейных проблем. Я боялась выглядеть жалкой, непрофессиональной, слабой.

Но сидя здесь, в пустой прихожей, под эхо чужих угроз, я окончательно поняла: ложный стыд — это непозволительная роскошь. Гордость хороша, когда у тебя надежный тыл, а не зияющая финансовая воронка и бывший муж, готовый вцепиться тебе в горло ради копеечки.

Я погладила Арчибальда за ухом, заставив его довольно зажмуриться, и медленно поднялась на ноги. Колени больше не дрожали. Внутри, там, где еще час назад плескался липкий страх перед скандалом, теперь кристаллизовалась прагматичная, сухая решимость.

Шаг за шагом я дошла до кухни. Остановилась у стола, залитого бледным субботним солнцем. Мой взгляд скользнул по исписанному листу из блокнота — бумажному памятнику моей многолетней слепоте, а затем опустился на визитку.

Я взяла прямоугольник картона в руки. Провела подушечкой большого пальца по рельефным золотым буквам. «Безопасность и право». Слово «право» сейчас казалось мне самым важным в мире. Гораздо важнее, чем «любовь», «семья» или «поддержка», которыми Антон так искусно маскировал свое паразитирование все эти годы.

Он объявил мне войну. Бросил вызов, наивно полагая, что я по старой привычке буду отбиваться слезами, уговорами и попытками сохранить лицо перед соседями. Он не учел одного: двадцать лет работая с драгоценными камнями, я научилась не только отличать дешевую стекляшку от оригинала, но и усвоила главное правило огранки. Чтобы алмаз смог резать чужое стекло, на него нужно как следует надавить.

Мне нужна была броня покрепче стальной двери. Мне нужен был безупречный, непробиваемый юридический щит, способный выдержать любой удар его дешевых адвокатов и наглых кредиторов.

Я перевернула визитку. На матовой обратной стороне твердым, уверенным мужским почерком был выведен номер телефона — тот самый, личный, который Вадим оставил мне вчера у витрины «Эстета».

— Ну что ж, Люция Владимировна, — произнесла я вслух, и мой голос в пустой кухне прозвучал на удивление спокойно и властно. — Время самостоятельности вышло. Пора обращаться к профессионалам.

Я смахнула экран блокировки на смартфоне и открыла панель набора номера.

Глава 12. Первый шаг в новую жизнь

Одиннадцать цифр на светящемся экране смартфона. Всего одиннадцать коротких касаний отделяли меня от окончательного признания собственной беспомощности.

Я сидела за кухонным столом, гипнотизируя плотный черный картон визитки Вадима Дружкова, и чувствовала, как внутри пульсирует застарелый, въевшийся под кожу «синдром отличницы». Позвонить уважаемому, состоятельному мужчине, который еще вчера покупал у меня золотую цепь, и вывалить на него ушат отборной бытовой грязи? Рассказать про голого мужа в подъезде, про чужие кружевные трусы, про микрозаймы и коллекторов?

Горло перехватило от жгучего, токсичного стыда. Я всегда была Люцией Владимировной, лицом элитного ювелирного дома, женщиной с безупречной осанкой и идеальной репутацией. А теперь я должна просить помощи, расписавшись в том, что двадцать лет жила с паразитом и не замечала, как он роет долговую яму у меня под ногами.

Палец дрогнул и нажал на красную кнопку сброса, так и не совершив вызов. Я малодушно решила, что найду обычного юриста по объявлению в интернете. Да, это будет дороже, зато без этого унижительного раздевания души перед знакомым человеком.

Не успела я отложить телефон, как он завибрировал в ладони. На экране высветился незнакомый номер. Сердце екнуло: Лидя обещала, что из дилерского центра позвонят, когда перепрошьют ключи от машины. Я поспешно смахнула зеленую трубку.

— Да, слушаю.

— Люция Владимировна Фиалкова? — раздался в динамике мужской голос.

Он не был грубым или угрожающим. Наоборот, интонации звучали вкрадчиво, издевательски-вежливо, с легкой хрипотцой, от которой по спине мгновенно пробежал холодок. Так говорят люди, уверенные в своей безнаказанности.

— Это я. С кем имею честь? — я попыталась включить свой рабочий, отстраненный тон, но голос предательски дрогнул.

— Компания «Быстрые решения», отдел взыскания, меня зовут Игорь, — любезно сообщил собеседник. — Беспокой вас по поводу задолженности вашего супруга, Меньшикова Антона Владимировича. Договор просрочен на тридцать два дня. Сумма с учетом пени составляет сто сорок восемь тысяч рублей. Антон Владимирович на связь не выходит, трубку не берет. Как будем решать вопрос, Люция Владимировна?

— Мы... мы находимся в стадии развода, — выдавила я, чувствуя, как холодеют кончики пальцев. — Я не имею отношения к его кредитам. Он брал их на свои нужды. Ищите его.

В трубке раздался тихий, снисходительный смешок.

— Ну зачем же так нервничать. По закону вы пока в браке. А значит, несете солидарную ответственность. Вы же умная женщина, работаете в таком солидном месте. Ювелирный дом «Эстет», верно? Самый центр, состоятельные клиенты, бриллианты... Красота.

Желудок скрутило болезненным спазмом. Откуда они знают? Хотя, глупый вопрос, пробить место работы в наше время — дело пары минут.

— Не смейте приплетать сюда мою работу, — процедила я, сжимая телефон так, что побелели костяшки.

— Что вы, мы действуем исключительно в рамках регламента, — тем же елейным тоном продолжил Игорь. — Просто мы понимаем, что у руководства элитных салонов очень строгие требования к репутации сотрудников. Не хотелось бы в понедельник зайти к вашему директору, полюбоваться витринами и заодно обсудить, почему старший консультант Фиалкова скрывает долги мужа. Клиенты ведь не любят скандалов, правда? Ждем оплату до завтрашнего вечера. Реквизиты у Антона Владимировича на почте. Хороших выходных.

Короткие гудки ударили по барабанным перепонкам.

Я медленно опустила телефон на стол. Воздуха в кухне внезапно стало катастрофически мало. Ложная гордость, которая еще минуту назад не давала мне позвонить Вадиму, разлетелась в пыль, растоптанная липким, первобытным страхом.

Моя работа. Мой единственный безопасный остров, мое убежище, где меня ценили и уважали, оказалось под прицелом. Если эти отморозки заявятся в «Эстет», устроят сцену при покупателях или начнут прессовать директора — меня уволят в тот же день с волчьим билетом. В ювелирном бизнесе безупречная репутация стоит дороже самого чистого алмаза. Если я потеряю работу, я потеряю всё. Меня просто сожрут.

Я схватила телефон. Пальцы больше не дрожали от сомнений — ими двигал чистый инстинкт самосохранения. Я снова набрала номер с черной визитки.

Гудок. Второй.

— Вадим слушает, — раздался в трубке глубокий, ровный баритон. Контраст с голосом коллектора был настолько разительным, что у меня на глаза навернулись непрошеные слезы. Голос Вадима звучал как надежная кирпичная стена, за которую можно спрятаться от урагана.

— Вадим Петрович... Здравствуйте. Это Люция. Люция Фиалкова из «Эстета», — я сбивалась, тараторила, боясь, что он сейчас сошлется на занятость и повесит трубку. — Вы вчера оставили визитку... Сказали, если понадобится помощь.

— Здравствуй, Люция, — он сразу перешел на «ты», и в этой ситуации это не прозвучало как фамильярность. Это прозвучало как готовность взять ситуацию под контроль. — Что случилось? Говори коротко и по сути.

— Мой муж... мы разводимся. Оказалось, он набрал микрозаймов. Я только что получила звонок из отдела взыскания. Они знают, где я работаю. Они угрожали прийти в понедельник в салон, устроить скандал перед директором и клиентами. Вадим, если они это сделают, я потеряю работу. Мне нужен юрист, охрана... я не знаю, что делать. Я оплачу ваши услуги, только скажите, как это остановить.

Я зажмурилась, ожидая чего угодно: тяжелого вздоха, сочувственных охов, дежурных фраз о том, что всё образуется. Но Вадим не стал тратить время на лирику.

— Выдыхай, Люция, — произнес он спокойно, и от одного этого слова узел в моей груди начал распускаться. — Никто в твой салон в понедельник не придет. Я это гарантирую. Как называлась контора, из которой звонили?

— «Быстрые решения», — послушно ответила я.

— Понял. Забудь о них, это больше не твоя проблема. Сейчас слушай меня внимательно. У тебя есть два часа на сборы. Встречаемся в ресторане «Арома» на Патриарших прудах. Столик заказан на мое имя. Приезжай, пообедаем и заодно обсудим план действий. Поняла меня?

— Да. Спасибо вам. Огромное.

— До встречи, Люция.

Звонок завершился. Я стояла посреди кухни, прижимая потухший телефон к груди. Впервые за эти безумные, выматывающие сутки я почувствовала, что земля под ногами перестала уходить в бездну. В моей жизни появился человек, который просто сказал: «Это больше не твоя проблема». Без упреков, без нытья о том, как всё сложно, без перекладывания ответственности. Как же я от этого отвыкла.

Я посмотрела на настенные часы. Полдень. Времени на то, чтобы привести себя в порядок, было предостаточно.

Я прошла в спальню, где еще пахло дезинфицирующим средством после вчерашней уборки, и распахнула дверцы шкафа. Рука по привычке потянулась к левой секции. Там висели мои «безопасные» вещи: серые водолазки, строгие прямые брюки, кардиганы неброских оттенков. Антон всегда одобрял этот стиль. «Люся, ну куда тебе яркое? Ты же солидная женщина, не надо молодиться, это выглядит нелепо», — говорил он, отправляя меня переодеваться, если я вдруг решалась на что-то смелое.

Мои пальцы скользнули по грубой шерсти серого свитера. Я вспомнила Антона, который час назад колотил в мою дверь в растянутых чужих трениках, и вдруг испытала приступ острой, жгучей злости на саму себя.

Почему я до сих пор слушаю его голос в своей голове? Почему я собираюсь идти на встречу с мужчиной, который спасает мою жизнь, в костюме серой мыши?

Я резко отодвинула привычные вешалки в сторону. В самой глубине шкафа, спрятанное в чехол, висело оно. Платье цвета глубокого изумруда. Я купила его два года назад, поддавшись минутному порыву на весенней распродаже. Плотный, струящийся шелк, фасон на запах, идеально подчеркивающий талию и зону декольте. Когда я показала его Антону, он скривился и выдал свою коронную фразу: «Слишком претенциозно. Ты в нем как стареющая актриса из дешевого сериала». Платье отправилось в чехол, а на нем повис ярлык моего комплекса неполноценности.

Я достала вешалку и сорвала пластиковый чехол. Ткань прохладным водопадом легла на руки.

Через полчаса из зеркала в прихожей на меня смотрела незнакомка. Изумрудный шелк облегал фигуру, скрывая то, что нужно было скрыть, и акцентируя внимание на достоинствах, о которых я сама забыла. Классические черные лодочки на высокой шпильке визуально удлиннили ноги и заставили выпрямить спину.

Я подошла к туалетному столику. Никакой тяжелой «шпакатурки», которую я наносила вчера, чтобы скрыть заплаканное лицо. Немного легкого тонального крема, тушь, подчеркивающая ресницы, и помада сложного ягодного оттенка. Волосы, которые я обычно стягивала в строгий пучок, я распустила, позволив тяжелым темным прядям лечь на плечи естественными волнами.

Арчибальд, бесшумно вышедший из гостиной, потерся пушистым боком о мою щиколотку, оставив на колготках невесомую рыжую шерстинку.

— Спасибо за комплимент, мой хороший, — я присела, аккуратно смахнув шерстинку, и почесала кота за ухом. — Мы с тобой еще повоюем.

Я накинула поверх платья свое любимое светлое кашемировое пальто, взяла сумочку и вышла из квартиры, дважды проверив новые, надежные замки. Я одевалась не для Вадима. Я одевалась для себя. Смена гардероба стала моим личным актом неповиновения, сбрасыванием старой, тесной шкуры, в которой я задыхалась последние годы. На эту встречу я ехала не как запуганная жертва, а как женщина, готовая бороться за свое будущее.

Такси бизнес-класса, которое я позволила себе вызвать впервые за полгода, мягко шуршало шинами по осенним улицам Москвы. За тонированным стеклом мелькали золотые кроны деревьев, спешащие прохожие, витрины дорогих магазинов. Город жил своей жизнью, и я вдруг почувствовала, что возвращаюсь в этот поток.

Ресторан «Арома» располагался в тихом переулке у Патриарших прудов. Это было место не для шумных тусовок, а для спокойных, статусных встреч. Тяжелая дубовая дверь поддавалась легко, и я шагнула в полумрак зала, наполненный приглушенным джазом, запахом свежесмолотого кофе, трюфельного масла и дорогих парфюмов.

Хостес, безупречно вежливая девушка в черном платье, уточнила имя и повела меня вглубь зала.

Я увидела его сразу. Вадим сидел за угловым столиком у панорамного окна. На нем не было того строгого делового костюма, в котором он приходил в ювелирный. Темно-синий кашемировый джемпер с V-образным вырезом поверх светлой рубашки и идеально скроенный неформальный пиджак. Он выглядел расслабленным, но в этой расслабленности чувствовалась пружина скрытой силы. Мужчина, который знает себе цену и не нуждается в дешевых понтах.

Когда я подошла ближе, произошло то, от чего я совершенно отвыкла.

Вадим отложил телефон, легко поднялся из-за стола и шагнул мне навстречу. Простой жест базового мужского уважения. Антон не вставал, даже если я возвращалась домой с тяжеленными пакетами продуктов — он лишь лениво махал рукой с дивана. А здесь взрослый, уверенный в себе человек демонстрировал, что мое появление для него значимо.

— Добрый день, Люция, — произнес он, и уголки его губ дрогнули в легкой полуулыбке. Его взгляд, цепкий и внимательный, скользнул по моему лицу, задержался на линии плеч в изумрудном шелке и вернулся к глазам. В этом взгляде не было ни сальности, ни снисхождения. Только искреннее мужское восхищение.

— Здравствуйте, Вадим Петрович, — я улыбнулась в ответ, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло, вытесняя остатки утренней нервозности.

— Просто Вадим, мы же договорились, — он отодвинул для меня мягкое кресло, дождался, пока я сяду, и только после этого вернулся на свое место. — Изумрудный цвет идет вам невероятно. Он делает ваши глаза ярче. Отличный выбор.

— Спасибо, — я чуть смутилась, но спину выпрямила еще сильнее. — Рада, что не ошиблась с гардеробом.

К нашему столику бесшумно подошел официант. Перед Вадимом стояла чашка эспresso, а передо мной тут же оказалась изящная фарфоровая пара с капучино.

— Я взял на себя смелость заказать вам кофе, пока вы ехали, — пояснил Вадим. — Надеюсь, угадал. Если предпочитаете чай или что-то покрепче, мы немедленно исправим.

— Капучино — это идеально, спасибо. Вы удивительно проницательны.

— Издержки профессии, — он чуть наклонил голову, принимая комплимент.

Вадим взял свой телефон, лежавший на столе экраном вверх, и демонстративно перевернул его, отключая звук. Затем он достал из внутреннего кармана пиджака кожаный ежедневник, положил рядом дорогую металлическую ручку и переплел пальцы рук, положив их на столешницу. Всё его внимание теперь было сфокусировано исключительно на мне. Никакой суеты, никаких отвлекающих факторов.

Его спокойствие передалось мне, как по невидимому проводу. Дрожь в коленях, с которой я ехала в такси, исчезла окончательно. Я сделала маленький глоток кофе, чувствуя вкус густой молочной пенки, и смело посмотрела ему в глаза.

— Ну что ж, Люция, — произнес Вадим, и его голос заполнил пространство между нами надежной, плотной аурой безопасности. — Я вас внимательно слушаю. С чего начнем демонтаж ваших проблем?

Глава 13. Точка невозврата

— Сто сорок восемь тысяч рублей. И это только по одному просроченному договору.

Мой голос прозвучал на удивление ровно, хотя внутри все сжималось от липкого, уничительного стыда. Я сидела за столиком ресторана «Арома», вцепившись тонкими пальцами в изящную чашку с остывающим капучино, и смотрела прямо в глаза Вадиму. Рассказывать успешному, состоявшемуся мужчине о том, как тебя годами обкрадывал собственный муж — это пытка, сравнимая с публичным раздеванием. Но я заставила себя не отводить взгляд.

— Дальше — больше, — продолжила я, методично, словно зачитывая результаты инвентаризации в ювелирном салоне. — Кредитная карта на мое имя опустошена до дна, там минус триста тысяч. Деньги уходили на рестораны, отели и дорогие бутики. Машина, за которую я платила, в залоге, и просрочка по автокредиту перевалила за три месяца. Где сам автомобиль, я понятия не имею, скорее всего, Антон бросил его во дворе. Но самое страшное — это утренний звонок.

Я сглотнула пересохшим горлом. Вадим сидел напротив, расслабленно откинувшись на спинку кресла. На нем был темно-синий кашемировый джемпер, подчеркивающий широкую линию плеч. Он не перебивал, не охал, не сыпал банальными сочувственными фразами. Он просто слушал, и это внимательное, цепкое молчание помогало мне держаться в рамках приличий, не срываясь в истерику.

— Мне звонил некий Игорь из службы взыскания «Быстрые решения». Они знают, где я работаю. Он прямым текстом угрожал явиться в понедельник в «Эстет», устроить скандал перед директором и клиентами. Вадим, если в элитном ювелирном салоне появятся вышибалы, требующие долги моего мужа... Меня уволят в тот же день с волчьим билетом. Работа — это всё, что у меня сейчас осталось. Мой единственный фундамент.

Я замолчала, чувствуя, как мелко дрожит нижняя губа. Выказалась. Вывалила всю эту смердящую бытовую грязь на стол с белоснежной скатертью.

Вадим медленно кивнул. В его лице не дрогнул ни один мускул. Ни тени жалости, которую я так боялась увидеть, ни брезгливого превосходства. Он взял свой смартфон, лежавший экраном вниз, разблокировал его и быстро набрал сообщение. Его пальцы двигались по экрану уверенно и четко. Отправив текст, он положил телефон обратно.

— Игорь из «Быстрых решений» больше тебя не побеспокоит, Люция, — произнес он тем самым глубоким, спокойным баритоном, от которого узел в моей груди начал стремительно распускаться. — Моя служба безопасности хорошо знает этот рынок. Ребята из отдела взыскания этой конторы работают грязно, но они не идиоты. Буквально через десять минут руководство Игоря получит вежливое, но очень доходчивое уведомление о том, что старший консультант Фиалкова находится под протекцией холдинга «Безопасность и право». Поверь мне на слово, ни в понедельник, ни через год к твоему салону они не подойдут даже на пушечный выстрел. Твоя работа в полной безопасности. Выдыхай.

Я закрыла глаза, чувствуя, как из легких со свистом выходит застоявшийся воздух. Контраст был настолько разительным, что у меня закружилась голова. Мой бывший муж, считавший себя гением и «хищником», устроил из моей жизни руины, истерично колотил в дверь и визжал на весь подъезд. А мужчина, сидящий напротив, погасил самую страшную мою проблему одним коротким сообщением в мессенджере. Без пафоса, без требований благодарности. Просто взял и сделал.

— Спасибо, — выдохнула я, открывая глаза. — Я... я не знаю, как вас благодарить. Я оплачу услуги вашей службы безопасности, как только разберусь со счетами.

Вадим усмехнулся, и в уголках его глаз собрались теплые лучики морщинок.

— Оставь эти формальности. Это был звонок вежливости, не более. Куда важнее сейчас разобраться с причиной твоих проблем. Тебе нужен грамотный бракоразводный процесс. Раздел имущества и, что самое главное в твоём случае, сепарация долгов. Антон должен забрать свои кредиты себе.

Он достал из внутреннего кармана неформального пиджака тяжелую перьевую ручку и раскрыл свой кожаный ежедневник. Вырвав небольшой листок, он быстро написал на нем имя и номер телефона.

— Анна Ставицкая. Это не просто адвокат, это белая акула семейного права. Она разрывает брачные договоры и кредитные обязательства недобросовестных супругов на мелкие конфетти. Позвонишь ей в понедельник утром, скажешь, что от меня. Она уже будет в курсе.

Я посмотрела на листок с золотым обрезом, который Вадим пододвинул ко мне. «Белая акула». Мой внутренний калькулятор мгновенно выдал примерную стоимость услуг такого специалиста. У меня потемнело в глазах.

— Вадим, — я с трудом подобрала слова, чувствуя, как краска заливает щеки. — Я безмерно благодарна. Но я не смогу оплатить ее гонорар. Я сейчас фактически банкрот. У меня есть небольшая заначка, но ее не хватит даже на предварительную консультацию у юриста такого уровня. Я найду кого-нибудь попроще...

— Люция, посмотри на меня, — его голос стал чуть строже, заставляя меня поднять взгляд. — Ты невнимательно читала новости о моей компании. Мой холдинг ведет несколько социальных проектов. У нас есть программа поддержки — дела «pro bono». Бесплатная юридическая помощь для женщин, ставших жертвами финансового мошенничества и абьюза в браке. У Анны в этом месяце как раз есть незакрытая квота на такое дело. Твой кейс подходит идеально. Никаких денег не нужно. Это политика компании.

Он лгал. Лгал так виртуозно, гладко и уверенно, что любой другой поверил бы безоговорочно. Но я двадцать лет работала с людьми и интонациями. Никакой «квоты», скорее всего, не существовало в природе. Вадим просто брал все расходы на себя, выдумывая эту благотворительную программу на ходу, исключительно ради того, чтобы не уязвить мою гордость. Он давал мне возможность принять помощь с достоинством, не чувствуя себя содержанкой или должницей.

От этого осознания в горле встал ком. Я бережно взяла листок бумаги и убрала его в сумочку.

— Я позвоню Анне в понедельник. Спасибо тебе. За всё.

— Вот и отлично, — Вадим легко поднялся из-за стола, давая понять, что деловая часть встречи окончена. — А сейчас я провожу тебя до такси. Тебе нужно отдохнуть. Суббота создана для того, чтобы гулять, пить вино и наслаждаться осенью, а не считать чужие микрозаймы.

Когда мы вышли на улицу, холодный октябрьский ветер бросил под ноги охапку золотых листьев. Вадим вызвал для меня машину бизнес-класса, сам открыл дверь и подал руку. Его ладонь была горячей и сухой. Мои пальцы дрогнули в его руке, когда я садилась на мягкое кожаное сиденье.

Всю дорогу до дома я смотрела в тонированное окно, чувствуя небывалый, пьянящий подъем. Москва за стеклом казалась не серой и враждебной, а яркой, пульсирующей жизнью. Я поймала свое отражение в боковом стекле. Изумрудный шелк платья, струящийся по бедрам, классическое светлое пальто, волосы, свободно лежащие на плечах. Я больше не была замученной продавщицей, считающей копейки до аванса. Я возвращалась в свою крепость, зная, что за моей спиной теперь стоит настоящая защита. План Лиды по перепрошивке ключей от машины был запущен, коллекторы нейтрализованы, адвокат найден. Жизнь налаживалась.

Такси плавно затормозило у моей сталинской пятиэтажки. Я расплатилась, вышла на улицу и уверенным шагом направилась к подъезду. Мои черные лодочки звонко цокали по асфальту.

Поднявшись на свой третий этаж, я с удовлетворением отметила, что массивная входная дверь нетронута. Никаких следов утреннего погрома. Я достала из сумочки новые, блестящие ключи с перфорацией, вставила в скважину итальянского замка. Механизм провернулся с мягким, породистым щелчком.

Я толкнула тяжелое стальное полотно и шагнула в полумрак прихожей.

Щелкнула выключателем. Сбросила туфли, привычно потянувшись ногами к домашним тапочкам. И в этот момент интуиция, обостренная до предела за последние сутки, взвыла сиреной воздушной тревоги.

Что-то было не так.

Во-первых, сквозняк. По ногам потянуло ледяным, сырым осенним воздухом, хотя я ухидила, плотно закрыв все окна.

Во-вторых, тишина. Арчибальд, мой рыжий двенадцатикилограммовый мейн-кун, всегда выходил в коридор встречать меня, требуя внимания и еды. Сейчас кота не было.

Но самое главное — запах. Резкий, сивушный запах дорогого алкоголя, перемешанный с застарелым, кислым запахом чужого пота. Этот «аромат» нагло перебивал остатки хлорки, которой я вчера заливала полы.

Я сделала шаг вперед. Под тонким капроном колготок на левой ноге что-то противно, сухо хрустнуло. Я опустила взгляд. На паркете, прямо посреди коридора, блестела мелкая стеклянная крошка.

Дыхание перехватило. Сердце, только что мирно бившееся в груди, ухнуло куда-то в район желудка.

Медленно, стараясь не производить ни звука, я двинулась по коридору в сторону кухни, откуда тянуло холодом и алкогольными парами. Дверь в гостиную была приоткрыта. Я заглянула туда краем глаза и всё поняла. Створка балконной двери была распахнута настежь, а нижнее стекло разбито вдребезги. Наш дом — классическая сталинка с широкими карнизами и пожарной лестницей, идущей прямо мимо моего балкона. Перелезть по ней для взрослого мужчины, движимого отчаянием и наглостью, не составляло особого труда. Замки я сменила, но окна остались старыми.

Я перешагнула через порог кухни.

Картина, представшая моим глазам, была достойна кисти сюрреалиста. За моим столом, на моем стуле, по-хозяйски развалившись, сидел Антон.

На нем были всё те же растянутые серые треники, гармошкой сбившиеся у лодыжек, и уродливая дутая куртка цвета хаки, которую он даже не соизволил снять. Куртка была расстегнута, обнажая несвежую футболку. Перед ним на столешнице стояла наполовину пустая бутылка коллекционного коньяка «Remy Martin» — моя личная заначка, подаренная благодарным клиентом три года назад, которую я берегла для особого случая. Рядом стоял грязный пузатый бокал.

Арчибальд, забившись на самую высокую полку кухонного гарнитура, злобно шипел, нервно подметая хвостом пыль, но спускаться к незваному гостю не рисковал.

Услышав мои шаги, Антон медленно повернул голову. Его глаза были слегка мутными от выпитого, на подбородке пробивалась неопрятная щетина. Увидев меня в изумрудном шелковом платье, с идеальной укладкой и макияжем, он на секунду оторопел. Его взгляд скользнул по моей фигуре, и в нем мелькнуло что-то похожее на удивление, смешанное с досадой.

Видимо, он ожидал увидеть заплаканную, сломленную женщину в старом халате, бичующую себя за утренний скандал.

Но удивление быстро испарилось. Его лицо скривилось в знакомой, покровительственной, самодовольной ухмылке. Человек, разбивший мне окно, выпивающий мой коньяк в чужих штанах, чувствовал себя здесь хозяином жизни.

Антон вальяжно покрутил коньяк в бокале, сделал глоток, поморщился, словно это был дешёвый портвейн, и с громким стуком поставил стекло на стол.

— Ну что, нагулялась, королева драмы? — произнес он тягучим, снисходительным тоном, в котором сквозила непробиваемая, железобетонная уверенность в собственной правоте. — Принарядилась даже. Красиво, ничего не скажешь. Только перед кем хвостом крутишь? Кому ты нужна в сорок два года с твоим характером?

Он откинулся на спинку стула, закинув ногу на ногу. Грязный стоптанный кроссовок опасно качнулся в миллиметре от моей светлой скатерти.

— Ладно, Люся. Так и быть. Я мужик отходчивый, — он великодушно развел руками, словно даруя мне прощение грехов с высоты патриаршего престола. — Я тебя прощаю за этот утренний цирк с полицией. И за вчерашнее швыряние одежды тоже. Бабы есть бабы, гормоны играют, я понимаю. Подурила и хватит. Давай мириться. Доставай там, что у нас в холодильнике, наливай суп. А то я со вчерашнего дня на нервах нормально не ел.

Он шелкнул пальцами, указывая в сторону плиты.

Я стояла в дверном проеме, глядя на этого человека. На мужчину, которому я отдала двадцать лет своей молодости. Которому я гладила рубашки, слушала его бредовые идеи про «цифровую экосистему», ради которого я сэкономила на себе и влезала в долги.

Еще вчера я бы, наверное, сорвалась на крик. Заплакала бы от обиды и бессилия. Или, что еще хуже, сработал бы вьевшийся рефлекс «покорной жены», избегающей конфликта, и я бы действительно начала оправдываться и просить его уйти по-хорошему.

Но сейчас внутри меня стояла абсолютная, звенящая тишина. Ни страха, ни боли, ни обиды больше не было. Иллюзии рухнули окончательно, рассыпавшись в пыль, как то стекло в прихожей. Он никогда не изменится. Он свято верит, что я — его собственность, его обслуживающий персонал, который можно предать, обокрасть, унижить, а потом просто потребовать тарелку супа.

Я не произнесла ни единого слова.

Мой взгляд, холодный и отстраненный, скользнул по его помятому лицу, по грязным кроссовкам, по бутылке моего коньяка. А затем медленно переместился в сторону варочной панели.

Там, на чугунной решетке, стояла старая, тяжеленная бабушкина сковорода. Настоящая советская чугунина, черная от времени и вьевшегося масла, весом килограмма в три. Неубиваемая вещь.

Я сделала два абсолютно бесшумных шага к плите. Мое изумрудное платье мягко шуршало при движении. Антон наблюдал за мной с ленивой усмешкой, явно ожидая, что я сейчас сниму крышку с кастрюли и начну греть ему обед.

Моя правая рука поднялась. Пальцы, с идеальным свежим маникюром, уверенно и крепко сомкнулись на толстой, ледяной металлической ручке сковороды. Я перехватила ее поудобнее, чувствуя тяжесть и надежность этого простого, грубого предмета.

Сковородка в моей руке была весомее любых слов. Точка невозврата была пройдена. И теперь мы будем разговаривать на единственном языке, который он, похоже, был способен понять.

Глава 14. Сковородка как аргумент

— Ты это серьезно, Люсь? Сковородка? Ты пересмотрела дешевых сериалов про истеричных домохозяек?

Антон откинулся на спинку моего любимого кухонного стула из светлого ясеня, и дерево жалобно скрипнуло под его весом. На его лице блуждала та самая снисходительная, ленивая ухмылка, которой он годами гасил любые мои попытки поговорить о проблемах. Он искренне не верил в реальность угрозы. Для него я всё еще оставалась той удобной, предсказуемой женщиной, которая могла поплакать в ванной, молча вымыть посуду и к утру подать свежевывглаженную рубашку.

Он демонстративно покрутил в пальцах пузатый бокал, сделал еще один глоток коллекционн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.